

ДНИ ТВОРЕНИЯ

Лиля Ветрова

18+

Лиля Ветрова
Дни творения

«Автор»

2026

Ветрова Л.

Дни творения / Л. Ветрова — «Автор», 2026

Какой путь прошел босоногий мальчик, бегающий по облакам, чтобы сделаться начальником всех небесных сил, а тонкий и задумчивый юноша с зелеными глазами — превратиться в необузданного повелителя всех пороков? И что случится, если хрупкая дева прикоснется к мечу, источающему свет? А как ужиться в одном саду тем, кто любит шум и движение, с теми, кто стремится к тишине и спокойствию? Книга представляет собой художественное осмысление жизни ангельского мира, начиная от его сотворения. В ней повествуется о создании и взрослении девяти архангелов, отпадении возгордившегося архистратига, служении светлых духов делу спасения человечества и пришествии на землю Христа. О духовном для светских. Авторская серия романов об ангелах и демонах и их работе на нашей планете, а также о судьбах людей.

© Ветрова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. И стал свет	5
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лиля Ветрова

Дни творения

Часть первая. И стал свет

1

¹ Бытие, глава 1, стих 3 (Быт. 1:3). Синодальный перевод здесь и далее, если не указано иное.

Глава 1

Пребывало совершенным неразделенное.

Переливами бежит, не возвращаясь и не ускользая. Не отсчитывая ни времени, ни места, ни пространства. Заполненное полнотой... Свет, и нет в Нем тьмы².

Легкая дымка ложится голубым оттенком, сквозь рассеивающийся покров золотит Луч. Изменилась бесконечность, и некому было предугадать.

Лучение излилось из облака и подняло голову очертаниями телесными и наполненными цветом глазами.

Встрепенулся и осмотрелся, прознавая. Он только начал чувствовать и, взмахнув крыльшками, полетел. Маленький, словно было с кем его равнять. Доверяющий необъятности течения.

Ему нравилось двигаться в телесности на своих крыльях. Вперед и обратно, пощипывает пух атмосфера. Есть голова наверху и ножки внизу? Нет, пока их не брал для себя он в расчет.

Чудесно. А потом испытывать еще. Искушал его воздух. Ручками он осязал цвета. Что еще для него было?

В коротких штанишках он бежит нагими ступнями по ложине неба. Дышится бытием, поднимается грудка, и перечисляет первый ряд чисел под ребрышками сердце.

Глядел на крошечные пальчики на ручках, коленочки гнул.

Голова и мягкие кудри, нежно-коричневатые. Сколько можно обмахиваться сливочными крыльями? А потом падать в созерцание. Искусывать губы и не знать, как разглядывается лицо со стороны.

А потом — жить вихрем. Он смеялся. Просто обычный день.

Он узнал, как его имя. Из прогалины, что дарила Луч, который он никак не мог поймать на ладошку, потому что, едва сжимал кулачок, тот непременно оставался поверх него, прозвучало: «Миша».

Миша пытался долететь до Луча, посмотреть, где же Начало. Но не сумел, потому что не менялась ни дымка, ни Свет, который светил ему ласково, подмигивая. И он ведал, что Свет говорит с ним, играя в прятки на щечках.

Миша сидел на кусочке неба, ставшем розоватым, подобрав под себя ступню, и болтал другой ногою. Можно было долго еще рассматривать пальчики и двигать ими во всех суставах. Но Миша вдруг задумался и вопросительно огляделся. Молча спросил Свет. Он бы полетел снова, но что помимо цветов еще было?..

Облако. И на нем стоит в зеленом, еще не существовавшем до того, зеленоглазый. А кто это? Миша поднимается навстречу. Он готов потрогать чужое лицо, а ладошка — такая же, как у него — двигается капелькой прикосновения. И похожие на Свет волосы светят до плеч. Может, это и есть продолжение Света?..

Тишина длится без окончания. Пока звуком не становится вздох ноздрями. Миша силится сделать то же. Получается фырк.

— Ты кто?

Это впервые, когда ему надо произнести слова. И не только спросить, но и ждать ответа. А в ответ Мише молчат. Долго молчат — долго мальчики смотрят друг на друга.

— А я Миша.

² 1-е послание апостола Иоанна, глава 1, стих 5 (1 Ин. 1:5): «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы».

Если кто-то есть перед ним, если есть Свет, облако, ласковый голос, значит и он сам — это кто-то. И с радостью Миша машет крылышками, осознав себя самого в первый за тысячу излитых лучей раз.

К его удивлению, кто-то перед ним тоже начинает махать крыльями, и крылья у него немного другие, но Миша все равно понимает, что это тоже крылья, что можно на них лететь. И они, позабыв познакомиться, взлетают вместе и парят далеко.

Сидят дети на белесом воздухе. И Миша сложил коленки.

— А я Луч.

— Лу-уч? — Миша глядит на собеседника, и темные глаза его отражают свет.

— Луч. Света-а... — добавляет многозначительно ангел.

Но Луч — там, а волосы цвета золотого — здесь.

— Я Заря. Светает, когда я подлетаю к кусочку облака, и темнеет, когда я лечу к другому кусочку.

Миша берет из руки ангела медальон, который на золотящейся цепочке висел у него на шее. Он видит диск, и лучики бегут из него, волнистые. Такое же солнце вскоре восходит для них поверх облаков, и облака опускаются ниже, покрывая разноцветным ковром под их ногами новое место для игр. А солнце светит, Светом заполняя все.

— Самуил. Называй меня Сэм. Так меня зовут.

Миша озадачен. Столько имен, и все относятся к одному ангелу... А у него теперь бесконечный и нескучный простор — узнавать в чужих зеленых глазах ответы на вопросы. Вот только вопросы приходят не сразу.

— А я Михаил. Так меня называй. Мне это сказали, — говорит он серьезно. И, встав, топчется на месте перед своим братом.

— А я Самуил. А где на твоих ножках?..

Миша смотрит на свои голые пальцы и затем — на аккуратные ботиночки Сэма.

— А у тебя почему волосы не кудрявые и светлые?

— А ты почему, когда летишь, сначала отталкиваешься, а потом крыльями взмахиваешь?..

— Не знаю. А ты... знаешь, откуда Луч?

— Луч — он во мне.

— А откуда он, не знаешь?

— Не знаю.

— Оттуда... из-за воздуха...

Палец Миши указывает вверх столь таинственно, сколь сокровенен Свет.

Они делятся всеми своими тайнами. Только Сэм никогда не болтает ногами, сидя на облаке, и ботиночки у него все такие же аккуратные.

— Солнышко появилось из моего медальона, — объяснил Сэм, глядя вверх. — Мне это мама сказала.

— А мне она сказала, что воздух — это ты им дышишь, а если бы... — он был занят притягиванием коленок к плечам и потому прерывался пыхтением, — воздухом не дышали, то ты не сопел бы.

— А я хочу сопеть.

— Мне мама нравится. Я, когда летаю, всегда смотрю, чтобы воздух не задеть, иначе он улетит, и я... дышать не смогу. А как я его увижу, если я его не вижу?..

— Он невидимый — воздух, — объясняет Самуил.

— Как так?

— Вот так. Его не видно.

Миша перестает загибать конечности и, задумавшийся, сидит. Крылышки на его спине трепещут от легкого ветерка.

— Воздух чувствуешь, когда он дует. А когда не дует, то он пропадает, и ты должен его сам втянуть, чтобы дышать, — говорит Сэм.

— А как втянуть? Я только носом умею.

— Не знаю, как еще. Я тоже носом только умею.

Миша маленький и немного кудрявый, и глаза его, почти черные, подвижнее, чем на лице брата. Тот словно выточенный из фарфора: настолько утонченны черты лица, и сокровенно светится взгляд из-под светлых коротких ресниц.

Михаил облакачивается на его плечо и смотрит, смотрит, ловит солнца луч.

Воздух обескуражил: он задвигался активно. И Миша засомневался в том, что тот невидим. А Сэм изумился и вдохнул первый раз ртом, а не носом, но даже того не заметил. Потому что к ним вышел из кудряшек вихревых еще один кто-то.

Он сам был похож на кусочек воздуха: волосы его волнами разлетались так сильно, что их было нельзя собрать, а через прозрачные глаза, казалось, виднелись мелькающие в голове мысли. Одетый в широкую рубашку и такие же широкие штанишки, в белых сандалиях.

У него тоже за спиной трепетали крылья, пушистые, словно пух сплошной, а в руке малыш держал нечто большое, цветное, летающее и надутое, на ниточках.

— Это тебе. А это тебе — на, — в следующее мгновение он протянул Мише и Сэму по шарiku и огляделся так, как будто вечно существовал. — А у меня теперь нет, — добавил он после паузы.

И впервые Самуил и Михаил узрели, как из ничего появляется в живых руках предмет: надувается и висит в воздухе новый воздушный шарик красного цвета.

Маленький незнакомец замахал крылышками.

— За мной, я летать с вами буду, — позвал он.

Так произошло знакомство с Гаврюшей. Вернее, не сразу два подружившихся брата узнали, что это Гаврюша.

— А как тебя зовут? — спросил его Михаил после того, как они облетели изрядную часть атмосферы. Ему очень нравилось, как подрагивает шарик в его руке.

Такой вопрос, оказывается, мог очень сильно озадачить. По крайней мере, малыш сдвинул пушистые бровки и посмотрел пристально:

— Зовут?

— Ну да. Я Миша, это — Сэм, а тебя как называть?

— Как тебя мама называет? — уточнил Самуил, любопытствуя.

Они повергли ангелочка в еще большие раздумья. Он стоял и пыхтел, пока не ответил:

— Она много чего говорила. Я забыл.

— Как же нам тебя называть? — не понял Сэм, и его глаза перелились яркими оттенками, каких не было вокруг.

— Не знаю.

— Смотри, я — Михаил, Самуил — мой брат, а ты? — попытался помочь Миша.

— Я тоже буду братом.

— Это не имя. Михаил, Самуил...

В поисках ангелы посмотрели наверх. И им пришла помощь. «Гавриил», — вымолвила она.

— Гаврюша — мама меня так называла, я вспомнил, — проговорил новый брат.

С тех пор, как ангелов триада начала осваивать просторы жизни и невещественного неба, на облаках стало намного оживленнее. Гаврюша внес с собою неиссякаемый фонтан идей. И если раньше Миша и Сэм все больше рассуждали и созерцали довлеющую реальность, то новый брат что ни придумывал, то сразу реализовывал, казалось, даже второе скорее первого делал.

Это вместе с ним они полсотни раз подряд надували и лопали ладошками щеки, заводили глаза так, что не было видно зрачков, а еще пытались наморщить нос, чтобы увидеть изгибы кожи своими глазами.

Гавриил носился под солнцем быстрее всех, вернее, он никогда просто не летал спокойно, будто его миссией было создать ветер. Петля, разворот, вверх-вниз...

— Я знаю: если мы летаем вперед, значит, летать надо и назад, — произнес он, останавливаясь на краюшке белого облака.

— Мы и так летаем вперед, а потом назад летим к облаку, на котором сидели, — напомнил Миша.

— Нет, назад лететь — значит, надо в другую сторону... повернуться, — и Гаврюша тут же развернулся спиной к братьям и замахал крылышками. — Я к вам назад полечу.

— Как так можно летать? Ты же не видишь, куда летишь, — сказал Самуил.

— А вы видите зато, — его было не остановить.

Гаврюша понял: чтобы лететь быстро, как он любил, надо оттолкнуться сильно от того, на чем стоял. Он оттолкнулся и спиной дернулся назад.

Миша и Сэм, наблюдавшие за ним, не ожидали, что брат единовоздушный вдруг исчезнет из поля зрения, так как упадет и провалится сквозь толщу облаков.

— Гаврюша! — воскликнул Самуил.

— За ним! — Миша оказался быстр на решения: вместе с братом они сорвались вдогонку неудавшемуся полету.

Гавриил летел, вернее, падал с фантастической скоростью и вопил не столько от неожиданности, сколько от увиденного результата эксперимента: до сих пор ему не приходилось так удивляться. Он пикировал, пока не оказался лежащим на собственных крыльях.

— Ты что? — над ним показалась голова Сэма, а за ней — брови Миши.

Гаврюша валялся на спине и молча глядел между двух братьев. Наверху было небо, внизу — что-то плотное, а в голове у него — концепция полета назад. Потому он не говорил, не отзываясь на вопросы.

— Крылья чувствую, о-о-о... — он не ожидал ни воздействия на свой организм, ни чувства сопротивления от окружающего мира.

Гаврюша поднялся на колени, хмуря брови и опуская подбородок, осмотрелся. А братья уже вовсю поедали глазами зачаровывающую картину. Они пролетели много метров, и теперь над ними были облака и солнце светило сквозь них, а вокруг расцвела невероятность — утопанное, покрытое зеленым, как глаза у Сэма, на чем можно было стоять и ходить. И большие штуки росли с коричневыми неровностями и зеленели сверху себя, высокие и шумящие шелестом, как воздушное движение.

— Это не облака, — сказал Гаврюша. Он встал, и крылья его оказались смятыми и приплюснутыми. Но он теперь их не замечал и тут же двинулся узнавать, что к чему, так, как будто ему всегда было надо все знать.

Перед ними простирался замечательный подарок мамы, которую они видели до сих пор лишь наедине, когда отлучались друг от друга, и Отца, Которого они не лицезрели никогда, но знали и чувствовали, что Он есть, и каков Он сами в себе разумели. Им и вопросов-то об этом в голову не приходило: они все проживали непосредственно, так как были детьми.

Теперь братья редко взмывали ввысь к самому солнцу, а все больше оставались в бескрайнем саду, разбитый специально для их игр. Гаврюша в первые же секунды снарядил экспе-

дицию для обследования тайн нового места, однако впитать в себя все без исключения краски просторов так и не удалось. Уяснив, что деревья и цветы, разнясь, произрастают в необхватываемые дали, что обрывы, скатываясь, уходят в бесконечные низины, они решили не продолжать поиски и вернулись назад. Приученные к бесконечному течению времени и пространства, они были удовлетворены тем, что это просто еще одно безграничное явление фантазии.

Игры становились все более разнообразными, увеличивалось их число стремительно, так как придумывали новые постоянно, в основном Гаврюша. Он выяснил, что если каждый будет бегать и кричать, то станет очень весело, но если все будут бегать за одним, то одному не убежать, а вот если один будет бегать, за кем захочет, то получится самая смешная игра. Салки!..

Михаил быстро усвоил, что на дереве можно сидеть, как на облаке. Даже Гаврюша не успел до такого додуматься, а старший уже вскарабкался по стволу, и перья на его крыльях едва не облетели, запутавшись в ветвях. Довольный Миша обосновался наверху, болтая ногами в новой обуви. Гаврюша быстро залез следом и расположился рядом с ним, пытаясь копировать движения ног. Сэм стоял внизу и смотрел, подняв подбородок.

Да, с визита к маме Михаил пришел в коричневых сандалиях и носочках, которые ему очень нравились. Эра беганья босого для него прошла.

Все время подвижный, Гаврюша побуждал двигаться и всех остальных. Так что Сэм даже не всегда осознавал, что игра поменялась.

Самуил брел по лесу, маленький, у корней огромных деревьев и смотрел на лучики, пробивающиеся сквозь кроны. Они были как его волосы. Как он сам, заря светлая, светящая... Он не очень понимал правила и смысл новой игры, только то, что Гаврюша сказал уйти далеко-далеко и скрыть себя где-нибудь, а он сам всех найдет, и будет весело.

Без ориентиров блуждал Сэм, так как весь лес был ему родным и не было в нем ничего кроме дома. Он остановился, поднял голову и впитывал зрачками солнце. Как стебельки цветов и травка, произрастал цвет его глаз.

Гаврюша бежал, особенно не разбирая, кого ищет и куда движется. Ему просто нравилось, как сгибаются коленки, а стопы бьются об упругий слой почвы. Он бы налетел на преграду, если бы еще чуть-чуть влево. А так его затормозили кусты и поворот головы.

Гавриил остановился.

— А что ты делаешь? — спросил он, подходя к ребенку.

Малыш сидел на поляне, одетый в кремовую кофту без пуговиц и кремовые штаны, на нежных пепельных волосах лежала лента, убирая их с лица назад.

— Я листики смотрю, — последовал ответ, и безмятежное личико столь же не изумилось видеть Гаврюшу, как Гаврюша — встретить впервые нового брата.

— Листики? — Гаврюша подошел поближе и вскоре, позабыв про прятки, стал тоже разглядывать зеленые чудеса, по которым раньше топал, не замечая.

У Рафаила было красивое имя, густые-прегустые мягкие ресницы, а подбородок, будто обласкали, создавая линии. Глаза — голубизна неба, размешанная с серой дымкой не освещенных солнцем облаков.

Гаврюша тронул пятнышко у него на скуле.

— А что это?

— Где? — Рафаил и не видел свою родинку.

Пока Гаврюша, подпрыгнув мыслями, размышлял о том, почему, когда лезешь по дереву, ладошкам шершаво, Миша шел, думая, в каком овражке лучше прилечь, чтоб его нельзя было сразу заметить.

— Самуил.

Сэм обернулся: кто его позвал? Нежностью залило его уши, и к щечкам прикоснулись ладони, когда, приблизившись, присела на корточки мама и обняла его.

— Как ты, маленький?..

Он глубоко задумался и, наверное, долго стоял тут, опустив ручки и разглядывая травинки высокие и солнце, золотящееся на них. Для тонкой души, которая не успевала за бегом движений Гаврюши, все вокруг было полным озером размышлений и чувств. Природа, в которой хотелось просто быть спокойно, не мечась от одного к другому... и говорить о том, что он видит, и смотреть вот так, как он смотрел сейчас.

Мама это знала. Она пришла, как всегда ласковая взглядом темных глаз, красивая древесным цветом волос, одетая существующим только для цветочных венчиков фиолетовым оттенком легкого платья.

— Я солнышко смотрю, — проговорил Сэм, близко глядя в ее зрачки, принимая в себе ее улыбку. — Оно светлое такое.

— Совсем как ты, да?..

— Да...

Мама подняла его и прижала к своей груди. Самуил уткнулся носиком, чувствуя, как его гладят по голове.

— Пойдем погуляем немножко? — спросила она.

— Пойдем.

Его несли на руках, и это было так здорово, что ему хотелось, чтоб его все время так носили. Мамины шаги были неспешны, его щека лежала у нее на плече, и он наблюдал, как живет вокруг сад.

— Вы играли? — спросила мама.

— Мы играли в «бегать и прятаться», а я в лес пришел. Я не понял, спрятался ли я. Я видел красненький лепесток, а на нем пятнышки, и он полз...

— Это жук — божья коровка. Она живая.

— Она на цветке сидела. А солнышка, когда оно светит и на ручку попадает, совсем не чувствуешь, если глаза закроешь. А если глаза откроешь, то видишь, что появилось светлое пятнышко...

Ему хотелось говорить и говорить. За бегом игр они с братьями почти утратили спокойные беседы. И мама слушала его, восполняя потребность трепещущего внутри сердечка. Столько всего оно так близко к себе чувствовало, почти как продолжение себя самого.

Миша нашел Гаврюшу, когда сам пытался спрятаться получше. Тогда он тоже познакомился с Рафаилом, вернее, познакомил себя и самого Гавриила, который за увлекательной ботаникой совершенно позабыл, что не знает имени и чего-либо вообще о первом младшем для него брате.

Мама вошла на пригорок, на который впервые свалился с небес Гаврюша, и увидела, что три брата в сборе. На руках у нее сидел Сэм.

— Ральф, ты уже подружился с Габри и Мишей? — посмотрела она на самого маленького.

— С Гаврюшей и с Михаилом, а с другими — нет, — ответил Рафаил и глаза его затеплились светом. Он так естественно воспринимал появление кого бы то ни было, что даже не двигался с места.

— Гавриилом его можно звать, Гаврюшей или Габри, а Михаила — Мишей, — объяснила мама.

— Хорошо, — кивнул Рафаил, согласный со всеми и всем.

Мама поставила Сэма на землю, и это было первое ее явление всем вместе. Толику ласки каждому ребенку она оставила на нежных волосах.

— Габри, ты весь вымазался, — она опустилась перед малышом на колени и поправила сбившуюся одежду, ладонями убирая грязные пятна. — Волосы вот так сделай, чтобы тебе не мешали, — она приладила беспорядок, собрав воздушные пряди с его лица.

Гавриил был не против. Недавно он катался на животе с края оврага и потому был весь в земле.

— Теперь можно опять мазаться? — спросил он.

— Можно, — улыбнулась мама, целуя в макушку.

Подошедшего Мишу нужно было заправить и заменить ему порванный о древесную ветку рукав на новый. Он стоял рядом, нуждающийся в присутствии и близкий к ней. Она взяла его за плечо:

— Крылья все измяли, спрячьте их, пока играете на земле.

— А можно? — Миша удивленно проводил глазами жесты, которыми мама чинила оперение ему и Гаврюше.

— Конечно. Просто сложите их вместе и прижмите посильнее. Вот так, — мама проследила, как у ребятешек на время исчезают многострадальные крылышки. — Что это ты собрал, Ральф? — у Рафаила в руке была целая коллекция зелени. — Травинки? Сядьте тут все вместе, поиграйте немножко в тихие игры. Можете придумать название каждому растению, которое собрали с Ральфом, или просто видели, — в ее руках появились карточки с картинками. — А еще вы можете придумать, какие новые деревья, травы и животных, хотите видеть в саду. Тут некоторые нарисованы, которые мы вообразили для вас, — она имела в виду себя и Отца. Габри и братья с интересом столпились, разглядывая невиданные в природе вещи. — Берите, это вам. А здесь чистые таблички и карандаши. Вы можете нарисовать, что придумали, а потом отдать мне.

Глава 2

Они были братьями, потому что задуманы были одной идеей, а потом реализовались, созданные из единого пласта мысли.

Миша говорил с Сэмом о том, как светит Луч, и спрашивал, почему, сидя под деревом, можно наблюдать за его струйкой со стороны, как он падает мимо полосочкой и пятнышко оставляет на траве. А еще они обсуждали, как Сэм научился отражать его через свои новые блестящие пуговицы и пускать солнечного зайчика, куда захочет, куда повернет пуговичку. Рядом с ними молча и умиротворенно сидел Ральф, наблюдая заходящими по поляне птицами.

Теперь у них было столь много всего. Цветы росли всеми красками. Были яркие и крупные и маленькие соцветия, которые ювелирно спланировал Самуил, а еще взъерошенные, как крылья Габри, кусты, все в венчиках роз, им самим и придуманные. Вьющиеся стебли ложились на траву и оплетали другие растения — общее изобретение, мягкие, как пух, кустарники из одних зеленых листочков — затея нежного Рафаила.

Бабочки порхали, степенные и большие, размером, как если бы все братья сложили свои ладошки одну к другой.

Наделив птиц перьями, как у самих ангелов, и возможностью летать, Габри изумил общество. А Миша все твердил о том, что хочет кого-то проворного и смышленного видеть...

Они перебрали много картинок и добавили бессчетное количество новых идей, которые порой рождались по кусочкам в их светлых головках и потому приобретали причудливые очертания.

Ральф был увлечен. Он только что заметил, что птички, золотистые оперением, очень хорошо идут на движения его пальцев, и что им не менее интересно общение с ним, чем ему.

— Я люблю, когда ярко светит. Вот тут все наполняется светом, — Самуил указал рукой на свою грудь. — И тогда я еще сильнее чувствую, как люблю Луч. Только я пока не понял: это то же самое, как когда мама говорит мне, что любит меня?.. Когда она под Лучом становится,

ее лицо словно светлеет еще больше. А когда зайчик солнечный прыгает, я все думаю, какой он быстрый...

Гаврюша по своему обыкновению ворвался к братьям вихрем, но выглядел чересчур взволнованным.

— Ребята! Там я такое нашел! Пойдемте скорее! — он приземлился, взмахивая крыльями и руками.

— Что там? Что?!

Миша, Сэм и Рафаил подались со своих мест, обратив все свое внимание на Габри. Сэму сразу передался эмоциональный всплеск, и он даже побледнел, не зная куда деть забежавшие пальцы рук.

— За мной! — указал путь Габри.

Братья взмыли вверх за проводником новости. Им пришлось удалиться от сада и вспарить на облака. Габри остановился загодя и принял задумчивость и молчание.

— Где это? — широко раскрыл свои темные глаза Миша.

— Тихо... Смотрите. Вон оно, там!

Ангелам не удалось сразу разглядеть то, на что показывал Габри. Из-за облачных громад проявилась и исчезла яркая вспышка. Гаврюша почему-то решил показать ее сначала издалека.

— Полетим, посмотрим поближе! — предложил Миша.

— Я летал! Это красный!.. — воскликнул Гавриил.

— Красный? — не понял Рафаил.

— И немного оранжевого, — подтвердил Габри. — Там тепло. Полетели, я вам все покажу!

Все уже привыкли к Гаврюшиным непонятным объяснениям и телодвижениям. Казалось, он претворяет все, что приходит ему на ум, то замирая, то выстреливая в своем познании.

Когда братья прошли сквозь облако, загоревшее им вспышку, они оказались совсем рядом с тем, что было красным и немного оранжевым. Действительно, возле него становилось тепло внутри и даже жарко.

Округлившиеся глаза Сэма отразили видение. Первым заговорил Миша.

— Это не что-то, это кто-то! — провозгласил он. — Видите: он такой же, как мы!

Его рука взяла руку Сэма, которая была совсем близко. В самом деле в пылающем костре восседал маленький мальчик в одежде, словно языки огня, и глаза имеющий золотистые, а волосы красные.

— Как же это... — Самуил поглядел в Мишино лицо, вконец оторопевший.

— Пойдем, мы с ним подружимся! — чувствуя, что брата надо поддерживать, Миша обнадежил его своим взглядом.

Двигаясь почти по одной линии, ангелы приблизились к костру.

— Я Ральф, а ты кто? — заговорил Рафаил, глядя дружелюбно.

Но ответа не последовало. Хотя по взору было ясно, что кто-то новый их понимает и слышит.

— Не говорит! — выдохнул Габри.

Клубы огня разлетались, завиваясь и то удлиняясь, то укорачиваясь на воздухе.

— Мы твои друзья. Меня зовут Миша, а это — Сэм и Габри, — повторил попытку Михаил. На этот раз отлетевшая искра дала намек на какие-то слова, но никто не различил какие. — Пойдем играть с нами?

— Не могу, — ответил ему ясно мальчик.

— Почему?..

Миша не понял. А пока малыш не мог, по всей видимости, объяснить почему, Гаврюша вдруг начал подходить к нему и протянул ручонку, готовую все выяснить.

— А-а-а-ай!..

Огонь расширился красной розой, а Габри отскочил от нового знакомого, сжимая пальцы, и заметался крича.

— Ма-а-а-ма!

— Габри! Что с тобой?! — перепугался Миша.

Но Гавриил только подпрыгивал и приплясывал на месте, вопя к воздушной глади. Первый раз мир откликнулся на его порыв так враждебно. Это была настоящая боль!

Сохранил себя только Рафаил. Он подошел к Габри и протянул к нему руку.

— Что? Пальчик? Давай посмотрю.

Габри не давался, но Ральф был терпелив. Наконец запястье брата оказалось в его руках, и Рафаил очень аккуратно подул на ожог, а затем, достав из кармана штанов охлаждающий своей свежестью листик, обернул им покрасневшую кожу. Полегчало быстро, и Гаврюша перестал прыгать на месте, зато лоб его наморщился, и взгляд метнулся на костер.

— Он! — только и слетело с его уст. — Он не хочет дружить!..

— Я уверен: это совсем не так, — сказал Ральф.

— А я уверен, что так! — выпалил Габри.

— Почему ты не дал Габри подойти? — Миша смело сделал шаг. — Он хотел узнать тебя.

Миша проследил, как горько исказилось лицо мальчика. И стало понятно, что он не желал подобного исхода. Пылающий ангел помолчал еще, а потом ответил:

— Я не делал... Я не могу идти. Я тут сижу. Не умею играть...

— Раз ты не можешь идти, тогда мы все останемся с тобой, — отозвался Михаил.

— Что?! Я не хочу! Он кусается! — затопал ногами Гаврюша.

Но Мишиной решительности оставалось удивляться. Он подошел к костру почти вплотную, пламя металось на него, и жар обдавал с головы до ног. Но Михаил не отступал.

— Как тебя зовут? — спросил он еще раз.

— Ур... Уриил. Я — архангел.

— Ты от мамы пришел?

— Я видел маму. Она меня гладила и улыбалась.

— А ты можешь летать?..

— Он архангел! А кто это? — вскрикнул Габри. — Мы летаем, а ты?!

Он скорее был излишне напористым, чем негодующим, в своем желании разобраться.

— Крылья у тебя есть, — разглядел Миша то, что никак не вязалось с его собственными белыми перьями, зато было такой же конфигурации, как у них всех, только пламенное. — Попробуй взмахнуть ими, и полетели!

В следующие несколько секунд Михаила сплошь окутало огнем, застелило глаза, сердце расперло и возвеличило до невозможности апогеем чувства, но не обожгло.

Уриил, маленький архангел, взвился вместе со всем своим костром и взлетел. Ветер обдувал его, крылья мелькали и сыпали искрами, он парил так красиво, как никто. И даже языки пламени укоротились на его коже. Этими минутами были заморожены все, и даже Габри позабыл о своем пальчике.

— Я могу летать, — Ур вернулся к Мише и остановился. Теперь он уже не представлял собой такой огненный шар, а был простым мальчиком, хотя и очень ярким, и горящим поверх одежды и голой кожи.

— Тогда полетели с нами в сад! — обрадовался Миша.

Он готов был рваться и кричать от ликования, которое подарил ему огонь, но оставил это глубоко в своей груди.

Вскоре все были в саду. Миша рассказал Уриилу, как можно убрать на время крылья, чтобы их не было видно.

Однако Ур от восторга перед увиденным вновь разгорелся до целого кострища. Габри предпочел держаться от него подальше, он все больше смотрел и меньше разговаривал с таинственным архангелом, как тот сам себя назвал.

— Мы все с мамой сделали, — Миша показывал ландшафт, взяв на себя роль экскурсовода.

— А это мячик, — Самуил поднял с земли круглый предмет. Ему тоже хотелось общаться, и он наконец разобрался со своими эмоциями и мог это делать. — Нам его Габри придумал. В него играть можно.

— А как? — Уриил впервые прямо взглянул на него золотисто-карими глазами.

— Кидать друг другу! — воскликнул Сэм.

— Давайте поиграем. Встанем в круг, — промолвил Рафаил. Он любил, когда все играли вместе.

Братья поддержали идею, выстроившись на поляне.

— Гаврюша, иди к нам! — позвал Рафаил.

Но Габри, пробормотав нечто невнятное, отошел, взъерошенный и словно недоверчивый, чего раньше никогда не делал.

— Габри? — нашел его глазами Миша.

— Я жуков буду смотреть, — буркнул Гавриил.

— Ну ладно. Сэм, кидай!

Самуил завел игру, бросив Ральфу. Ральф — Мише. Миша зарядил в руки Уриилу. Ур, который полыхнул сильнее, заведя первый полет мяча, со смехом, словно звонницы пришли в действие, поймал его, выпуская волну огненной радости.

Миша едва успел убрать волосы от опаляющей струи, но остался невозмутим.

— Ур, кидай Сэму! — крикнул он.

Уриил неловко подтолкнул к Самуилу мячик, тот упал в траву. Сэм наклонился и поднял его. Игра продолжилась.

Уриил с каждым броском все больше хохотал, так что вскоре все пришли в такое веселое настроение, что еле успевали ловить и кидать мяч неверными от приступов смеха руками.

Габри же якобы уткнулся в жука, а на самом деле все поглядывал на братьев. Первый раз он был серьезен, когда все смеялись.

Игра прекратилась нескоро.

— Гляди, он почернел! — Сэм покрутил уставший мячик в руках.

— Дай мне его! — быстро подлетел к нему Габри.

Он взял мяч, как ребенка, укачивая и как будто успокаивая. Пушистые брови были сдвинуты.

— Габри, пойдем еще во что-нибудь поиграем, — позвал Миша.

— Я с мячиком хочу играть, — пробурчал Гавриил.

— Что же ты с нами не играл? — взглянул Ральф.

— Не хотел, — Габри надул губы.

— А что вы еще делаете? — поинтересовался Ур.

— Мы еще бегаем, по деревьям лазаем... — начал Миша.

— О Луче разговариваем. Я солнечных зайчиков пускаю! — поддержал беседу Сэм.

— Габри, пальчик не болит? — спросил Ральф.

— Нет уже. Спасибо, — ответил Гавриил.

Едва Рафаил успел отвернуться, чтобы посмотреть, что снова так развеселило компанию, а затем повернуться, как Габри и след простыл. В недоумении Ральф взглянул на Мишу и Сэма. Сэм демонстрировал Уру своих зайчиков, а Уриил пылал интересом, как вдруг вздрогнул и поменялся в лице. Его глаза устремились за спину, откуда метеором выскочил Габри.

Прячась от всех, он решил повторить попытку и, подкравшись к Уру сзади, сунул руку в его пламя. На этот раз ему удалось пройти сквозь огонь без травм и достигнуть плеча, когда Уриил испугался неожиданного прикосновения и взорвался веером искр. Габри сумел отскочить — лишь крошки пламени остались на его одежде и волосах, прожигая маленькие черные дырочки.

Гавриил остановился как вкопанный. Уриил смотрел на него и вдруг закрыл лицо руками и заревел.

— Габри! Ну зачем ты?! — вмешался Миша.

— Я хотел его проверить, архангел ли он вправду, — ответил Габри. — А он меня, как мой мячик.

— Ур... — Миша растерянно посмотрел на пламенного брата. — Габри!

— Не плачь. Тебе же не больно? — к Уриилу не испугался подойти Ральф. Он зашел прямо в пламя и положил ему ладонь на спину.

— Я не хотел... У меня просто получается-а-а-а, — размазал последнее слово Ур. Из его глаз летели красные капли, которые он старательно вытирал рукавом, но некоторые, падая на траву, оставляли выжженные пятнышки.

— Габри, не надо так делать, — сказал Миша, морща лоб.

— А ему полыхать надо? — не отступил Габри.

— Он не хочет.

— А что же жжется?

Михаил был в тупике. Ему не доводилось еще налаживать отношения между братьями, которые всегда жили мирно. Но его спасли.

— Что же за шум? — на поляну зашла мама и тут же направилась к Уриилу. — Не плачь, маленький архангел. Ты единственный горишь, но твой огонь не обжигает, если его не трогать неожиданно. Так, Габри?

Она запустила пальцы в длинные рыжие волосы Уриила. Темные глаза смотрели на Гавриила.

— Он говорит, что он архангел, — Гаврюша потупил глазки.

— Конечно: вы все архангелы. И все вы братья. Только ты Гаврюша — архангел воздушный, подвижный и фантазийный. А Ур — архангел любви. Он пылает нашей любовью к вам. Ведь мы все друзья?

Гаврюша поднял голову. Ур успокоился и глядел на него такими чистыми глазами. И ничего удивительного не было в том, что он архангел.

— Друзья, — ответил Гавриил, недолго раздумывая. Он подошел к маме и Уриилу быстрыми широкими шагами. — Смотри, это мячик. Я его снова раскрасил.

Габри протянул возникший в руках мяч Уриилу, а тот принял его на свои ладошки.

— Я твой друг, — добавил Габри серьезно.

— И я друг, — улыбнулся Уриил.

И прорвавшееся пламя объяло Гаврюшу.

Жизнь в компании с Уром потекла с тех пор более размеренная. Хотя Габри все еще неровно относился к режущему глаза брату.

Нет, он больше не позволял себе сторониться общих игр, веселился вместе со всеми и даже не боялся пламени. К слову, это пламя все-таки обжигало время от времени: четыре раза опалило руки Михаилу, два раза посадило красные пузыри Ральфу, подпортило Сэму костюм и укоротило один раз волосы. И только одному Гаврюше досталось меньше всех: единожды у него истлела верхняя часть перьев на крыльях.

Но Габри отныне жил жадной познания любви. Если раньше его не удивляли индивидуальные особенности братьев, то теперь он осаждал Ура с расспросами: «А почему у тебя волосы

красные?» Узнав, что они рыжие, потому что так сказала мама, он еще больше озадачился. «А почему одежда красная? А почему крылья красные?.. А почему?..» Мише, который с первого происхождения сделался охранителем всеобщего покоя, приходилось его останавливать, чтобы Ур не утомился и не грустил от обилия приставаний. Но это было непросто.

В один день Габри решил снова надуть для всех по воздушному шарiku, как он довольно часто делал. На торжественном вручении Уру «рыжего, как он сам» шара произошел большой бабах. Шарик нагрелся и лопнул.

Неизвестно, кто был сильнее расстроен. Ур весь поник. Гаврюшу прорвало вопросами: а как, а почему? Михаилу пришлось срочно предложить новую затею: каждый, у кого остался шарик, отпускает его в воздух, а потом все играют в слова. С прятками и жмурками теперь тоже выходило сложно: во-первых, Ура было видно за километр; во-вторых, он либо, вода, палил все вокруг, либо жаром оповещал о своем присутствии за много метров.

Хорошо, что рождение двух новых братьев прошло безболезненно. Салафиил — маленький Салф — и Иегудиил, которого все называли Гуд, появились в саду с очень маленьким разрывом во времени и тут же были приняты братьями на воспитание.

Салф был очаровательным блондином с фарфоровым лицом и голубыми глазами. Он, подобно Сэму, словно ипостась Луча, смотрел на своих близких. Причем, если Самуил олицетворял собой ослепительный свет, то Салф теплом окутывал каждого, к кому подходил. А он очень любил подходить к братьям, собирать всех вместе и грел нежно, иначе, чем Уриил. Он подолгу мог сидеть на руках у близких, ползать по зеленой траве, особенно он любил играть с Сэмом — светлый у них получился тандем.

Иегудиил был ребенком, погруженным в размышления. Так, что иногда останавливалось на лице изумление: по полдня он мог сидеть и собирать поделки из веточек, плести венки из травинок, — все это с таким вдумчивым видом, словно желал проникнуть в самую суть вещей. Но стоило к нему подойти, как он поднимал лицо и озарялся такой радостной улыбкой, что хотелось взять его и начать целовать и подкидывать над собой.

С тех пор еще очень многое поменялось. У архангелов появилась куча игрушек. Одни из них просто возникли на траве, другие дарила из своих рук мама, третьи не уставал придумывать Габри — фантазийный архангел, по признанию матери. Она не приоткрыла завесы для других детей, только для Гаврюши и Ура.

Кубики, мячики различной величины, конструктор из дерева, фигурки животных... Габри быстро смекнул, что можно копировать окружающий мир из подручных материалов. Так появились надувные фазаны, облака из мокрой глины и Луч из палки. По правде, это была просто палка, но Габри ее считал Лучом. Чтобы у него лучше получалось пропускать мир через призму себя, мама презентовала ему разной текстуры краски, кисти и длинную ткань, крепящуюся на деревяшках, — холст.

Гаврюша изобрел считалочки, чтобы определять, кто будет водить в игре, и придумал разбиваться на две команды, чтобы отыскивать спрятанные цветные флажки. Он полагал, что лучше игры нет, чем та, где все бегут и при этом визжат. За самый веселый визг он выдавал призы — воздушные шарики. Шарик Ура обычно отправлялся на сохранение Мише или Сэму.

Старшие ребята сильно подросли и потому отличались от Салфа и Гуда. Миша вырос из своих любимых штанов, и мама заменила их на такие же, но подлиннее. Он по-прежнему обожал лазать по деревьям и в быстроте соперничал с самим Габри. Гаврюша был поменьше старшего брата, но и он окреп в плечах и возмужал, оставаясь по-детски непосредственным.

Самуил и Рафаил повзрослели лицами и мыслями. Спокойные, они могли просто гулять часами вдвоем под сенью деревьев. Однако Сэм всему предпочитал разговоры о своих чувствах наедине с Мишей, а Ральф любил присутствовать при Габри и малышах.

Преобразился и окружающий мир. Теперь действительно можно было говорить о днях. Если ранее время текло без точки отсчета, то с недавних пор солнце стало плыть по небу и

скрываться за горизонтом на короткий промежуток: в этот отрезок наступала светлая серебряная ночь, которую звезды наполняли своим сиянием. Архангелы дали каждой звезде собственное имя.

Отныне прекрасным восходом руководил образ солнца — Самуил. Денница — древняя заря — он добросовестно поднимал лучи над всеми, сам сливаясь с сиянием вечного Света. Значимое дело было доверено ему в руки, и он ответственно и благоговейно радовался и любил свою тайну.

В один из дней, когда все играли на поляне, Салф, как любил, ползал по траве, а Гуд конструировал фигурки, мама сидела среди своих детей на расписанной лавочке и по очереди причесывала их, сажая себе на колени.

— Бу!!! — Габри по своему обыкновению погнался за Салфом, вынудив его, как обычно в таких ситуациях, встать с коленок и со смехом убежать. Прибежищем стали ноги Ральфа, который, идеально уложенный под ленточку, занимался очередным гербарием.

— Гаврюша, иди ко мне, — позвала мама.

Он был слишком увлечен, чтобы услышать. Она поймала его, когда он пробежал мимо и, поцеловав в мягкий, как молодые травинки, носик, стала унимать буйствующие кудри волос. Это не было бы так бесполезно, если бы Гаврюша хоть минуту сидел спокойно и не вертелся.

— Беги, — мама оставила расческу, отпуская свободную в полете прическу. — Миша, ты тут давно стоишь?

Она обернулась и нашла рядом с собой своего старшего, за которым уже давно заметила, что он просто подходит к ней порой и молча пребывает, пока она уделяет внимание остальным. На этот раз была его очередь, и Миша сел рядом. Он не шелохнулся, пока расчесывали его длинные светло-каштановые завитки.

— Играть пойдешь? — они посмотрели друг на друга одинаковыми глазами. — Или посидишь со мной?

— Я пойду, — наклонил подбородок Миша.

Он слез с лавочки и нашел Иегудиила, но, когда брат погрузился в игру, глаза Михаила поднялись на маму, а она смотрела, улыбаясь, на него.

Глава 3

Самуил сиял с самого утра, и Миша не мог не взять его за руку и не разделить радость. Вчера с неба падали капельки, маленькие-маленькие. Вода, какой еще у них не было, такая нежная, что не повредила даже пламени Ура, которое лишь пустило над собой тонкую пленку пара. И луч солнца распался на семь цветов. Радуга!

— Ты же видел ее, да? Там, как у Ура, были цвета: и красный, и оранжевый... А потом голубой, как новая рубашка Гаврюши.

У Гаврюши имелась сотня новых рубашек, потому что он портил их со скоростью света. Миша видел все. Сэм рассказывал то, что наблюдали братья, уже в третий раз.

Миша гулял с Ральфом по лесу. Они вернулись к Габри и малышам, и Михаил остановился и оглядел поляну глубокими карими глазами.

— Э... Габри?..

Гаврюша, увлеченный играми, не слышал. Непонятно, кто за кем следил: дети за фантазийным ребенком побольше или он за ними. Благо в райском саду не было ничего особенно опасного.

— Не может быть, — проговорил Сэм.

— Это еще один, — кивнул Ральф.

— Можно я его возьму? — взволнованно спросил Сэм.

Не желая давать разрешения на то, что было можно всем, старший просто промолчал. Самуил нежно поднял из травы маленького архангела с жесткими шоколадными волосами и живыми глазами.

— Тебя как зовут?..

Тем временем Габри лежал на спине, подавая Гуду и Салфу кусочки конструктора. Крылья его были примяты: он снова не убрал их, как говорила ему мама, и потому через полдня ей сызнова придется приводить перья в порядок.

— У него характерное имя. Как и волосы, — молвил Рафаил.

— Габри, ты что ж не говоришь нам? — спросил Миша, улыбаясь.

— Чего? — Габри поднял голову и свел пушистые брови.

— Вот малыш, — Самуил продемонстрировал ребенка, которого, как водится, нашли в траве.

— Да. Я с ним, как вы ушли, сижу, и с остальными, — ответил Габри и положил затылок обратно в траву.

— И ты не позвал нас к новому брату? — удивился Михаил.

— А это новый? — Габри взметнул голову и округлил глаза.

Мгновений десять на подсчет детей и еще столько же на пересчет. Так вошел в архангельскую семью маленький Варахиил — Варх.

Ур в тот день, пошел увидеться с мамой, и потому для него рождение Варахиила стало личным сюрпризом. На месте успевших подрасти детишек появился новый младшенький.

— Какое красивое. И что оно значит? — спросил Миша, разглядывая кольцо на руке Уриила.

— Мама сказала: это будет мой символ, — ответил Ур, выпрямляя палец с играющим рубином. — Она сказала мне, что все мы рождены любовью и в ней пребываем.

Рядом сидел с ведрком и лопаткой Варахиил и копался в рыхлой земле.

— Дай я помогу, — Габри подлетел с советом. — Смотри: чтобы куличик получился, надо влаги подлить туда.

— У-у-у!..

Миша поглядел вбок. Малыш Варх наотрез отказался отдавать свою лопатку Габри, зажав ее в ладошке. Он посчитал, что брат необоснованно покушается на правила его игры.

— Что ты? Я же просто показать! — Габри не оставил попыток вырвать игрушку. — Ну, не хочешь, не надо!..

Так и не добившись успеха, Гавриил отсел в сторону, надувшись, как шарик. В руке у него появилась своя лопатка и свое ведрко.

— Я с Сэмом говорил. Он предполагает, что Луч, дающий цвета радуги, — это весь мир, и я в нем, и мы все. А что он разные цвета дает — так это чтобы нам понятнее было, почему такое все разное, — проговорил Уриил.

— Сэм мне рассказал, — опустил ресницы Миша. — Луч — это, чтобы нам видно было, что Отец всегда с нами.

— Еще мама сказала, что мы — это разные Его качества.

Габри увлекся созданием своих куличиков, не подозревая, что рождает приемы воспитания. Он и не заметил, как Варх подошел к нему и, усевшись рядом, стал подражать движениям. Мочим водичкой, насыпаем земельку, резко опрокидываем ведро, бьем по дну лопаткой, видим результат.

Габри плюхнул лопатку сверху, чтобы выровнять кулич. Варахиил проделал то же самое, только его творение стало от этого еще более неровным.

— Ты лучше погладь его ручками, чтоб он аккуратнее был, — проговорил Габри, глядя на изваяние младшего из братьев.

Варахиил улыбался. Гаврюша отвлекся, чтобы довести свои куличики до совершенства, когда в крылья, торчавшие свободно на ветру, что-то залезло.

— Эй, эй, ты что?!

Ур и Миша рассмеялись, позабыв про свои рассуждения, когда на их глазах Габри с хохотом пытался снять со спины щекотавшего его крылья Варахиила. Они были такие мягкие и пушистые, что не потрогать их было невозможно.

— Хва-а-атит!.. — Гавриил совсем потерял способность контролировать свои телодвижения, Варху же казалось, что брату щекотка очень нравится.

Когда Миша снял ребенка с крыльев, Габри пребывал в веселящейся истерике. А с ним и все бывшие на поляне. Так свое воспитание Варх закрепил за одним из братьев.

Прошло несколько дней, и новое волшебство вошло в жизнь Габри и осталось для него вечно сверкающей звездой чувств.

С утра, когда на поляне появился полный ящик особых гнутых устройств, золоченых, с натянутыми, как пристальные взгляды, струнами, не все поняли, для чего они.

— Что это такое? — спросил Сэм, а Миша попытался первым притронуться к инструментам.

Звук струны из-под подушечек его пальцев не стал иным, чем «пинь-пинь», похожим на птичьи голоса жизненного обиталища.

— Приспособление! — Гаврюша, который запоздал к появлению подарков, ловко подлетел к ящику и с восхищением взял инструмент в руки.

Одно не могло родиться без другого: без дуновения Габри не происходила музыка.

Братья замерли, когда эти пальцы и этот инструмент зажили вместе и на поляну впервые пролился новый язык, который они и назвали впоследствии «музыка». Язык, отражающий стремления и настроения на новый лад, звучанием, нотами, воплощенными в ушах и сердцах.

Габри играл и играл, и все перестало вдруг для него существовать, — вернее, нет, не перестало, а перелилось в новый мир — мир звуков. Он прикрывал чудесные светлые глаза, щурился или глядел сквозь воздух. Песня без слов была понятна каждому, и каждый чувствовал ее по-своему.

И впервые видели все так явственно, но еще не осознавая до конца, явление, ничем рационально не описанное, — вдохновение. Дуновение Духа!

Самуил обнял Михаила, и подростки мальчишки Салф и Гуд оказались на руках у старших Миши и Ральфа, а Ур пылал, сердечки выпуская в атмосферу.

— Потрясает, ни с чем не сравнимо, — не восхищение — душу открыл в тот момент Сэм первому другу.

Маленький Варх подполз к самым ногам Габри и, сев на корточки, с тщанием вслушивался.

Это могло продолжаться годами по нашему исчислению — у них не было еще годов, — они бы обнаружили, что выросли, и лишь тогда бы Гавриил отложил *арфу*. Но он вернул глаза к своим братьям и посмотрел на Варха, которого захотелось погладить по голове. Однако, прежде чем приласкать своего воспитанника, Габри произнес:

— Что же вы? Арфы принесли для всех.

Все оглянулись: и действительно, ящик был полон для восьми архангелов. Пока Габри обнимался и трепал жесткие волосы младшенького, а Варх пытался найти его предусмотрительно убранные крылья, чтобы их затискать и защекотать, братья разобрали инструменты.

— Играйте! Музыка родилась сегодня и будет жить вечно, как новая мысль, — сказал Габри, и в этих пророческих словах можно было распознать, что архангел не только фантазийный, но и таинственный провидец: этот ребенок получал особенные знания о жизни всех, как созданная сокровищница секретов мироздания.

Сэм со всем пылом, тонким и деликатным, ударил по струнам. И тут выяснилось, что не все так просто. Братья не смогли взять и заиграть на арфах, как это сделал архангел вдохновения и провозвестник Божьих тайн Гавриил.

Такое могло бы изумить, но Габри слишком быстро увлекся исправлением ситуации. Он стал учить братьев играть на инструментах. Младшие активно участвовали в процессе. У Салафиила получалось лучше всех, только музыка у него была тише и будто сердечнее. Сэм и Миша никак не могли освоить науку, хотя даже Ур, который — удивительно! — не расплавил струны своим огнем, вскоре сумел исполнить незамысловатую мелодию.

— Нет, совсем не могу, — Миша качал головой.

— Почему? — Габри был рядом.

— Ты объясни еще раз: как и куда пальцы ставить?

— Какая разница? Зачем тебе это? Ты же... неправильно мыслишь!.. У тебя... — Габри смог уловить суть, хотя и не сумел объяснить словами до конца: у Михаила был полный порядок в голове, в руках и ногах, сам он весь состоял из порядка, а музыка требовала спонтанного «фонтана»! — Просто играй! — дал установку Гаврюша, и действительно, вскоре стало получаться.

Особенно проникся Самуил. Он играл так, что на него обращались взгляды. Это он поднимал утром солнце и руководил закатом, управляя светилами, и он невидимыми нитями как бы призывал мысли к Лучу.

— Младшенький, — Габри поднял на руки Варха, который был еще слишком мал для таких свершений, как игра на арфе, и все бегал у чужих ног. — А для тебя-то что?.. А, я знаю.

Гавриил поставил Варха на землю, взял арфу и подумал. Просто подумал, а потом заиграл. И взметнулся Варахиил, наяривая по возникшим барабанам ладошками.

Архангелы покатались от такого невпопад аккомпанемента, но это было здорово. Музыка не имела порядка: она имела собственный порядок, ведомый, казалось, одному Богу и Габри.

— Мы и новые инструменты создадим, — заключил довольный Габри, когда начало темнеть.

Он отложил арфу, а Варх все еще стучал по барабанам. Вдохновение сделает бесчисленное множество всего.

Почти любое правило не абсолютно. И одно начало побуждает развиваться другое. Откуда об этом было теперь знать младшенькому архангелу диалектики Варахиилу?

К тому времени, надо сказать, он изрядно повзрослел, мог сам исполнять мелодии на арфе и барабанах с палочками, гитарах и флейтах Гавриила. Самое монументальное творение осталось за Салафиилом — оргán.

В развитии целостной красоты животворящего Духа Михаил и Самуил шли по высоким облакам и вели беседу по душам. Они часто разговаривали так: Сэм ощущал близость к Мише, а Миша со всей любовью обнимал собой все начинания и мысли Сэма. Так они и жили.

Старшие братья достигли той точки роста, которую можно назвать так: вступили в подростковый возраст, когда мальчики начинают видеть проблеск будущей жизни взрослых мужчин.

— Солнце встает по моей мысли, и я, как луч, чувствую себя у этого солнца, а слово, сказанное мной, я ощущаю, возвращает все глаза на небо, — делился Самуил. — Мне мама сказала, что я — лик управления Отцовского, и чтобы я бережно чувствовал, когда это необходимо. А мне кажется: я закрываю глаза и уже чувствую.

Сэм опустил веки и молча шагал по белой дымке.

— Ты познал, кто ты есть. А я знаю: ты рожден, как в арфе струна, только в каждой из наших душ. И ее надо слушать так: что это говорит Отец, — проговорил Миша.

Они шли, обнявшись за плечи, и не было ближе ближайших по рождению.

— А я совсем не знаю, кем я создан, — признался Миша. — А мама только улыбается в ответ.

— Ты мой брат, и если меня слушать необходимо, как Отцовский голос, то с тобой сердце мое бьется, — отвечал Самуил, и это было прекрасное признание в любви.

— Ты слышал: мы пели. Габри говорит, что его особый язык — это единственный язык пения, — они начали совсем другую тему. — Но я вот считаю, что можно петь и на обычном языке, на котором мы говорим.

— Конечно, — кивнул Сэм. — Вот я иду иногда, и даже музыки нет, а я слова такие придумываю хорошие. Вот послушай:

Росинка — лепесток,

Травинку тронул мотылек,

А я пером касаюсь облачных высот,

И чистый братский наш полет...

Это же можно спеть? — вопрос подразумевал ответ.

— Надо поговорить об этом с Гаврюшей, — отозвался Миша. И помолчав, добавил: — Я когда росинку вижу, начинаю думать, что есть еще в мире что-то, что нам пока неизвестно.

Предчувствия Миши могла уточнить одна лишь женщина, но она не спешила, позволяя стремлениям вызреть, как ягоде на здоровых лепестках.

— Что это?! — Сэм остановился, и Миша тоже.

Потому что на облаке впереди лежал золотистый сверток, а в нем что-то шевелилось. Ребенок!..

Братья спешно побежали к нему.

— Миша, возьми его!

Михаил взял на руки маленького русоволосого мальчика и прижал к груди, как прижимала его самого мама.

— Я думал, что все братья уже рождены! — взволнованно промолвил Самуил.

Его рука бережно коснулась ладошки, и маленькие пальчики оказались на его пальце.

— Мама говорила, что мы все из одной задумки рождены уже. Но... — Миша взглянул выше неба. — Но это наш брат, я чувствую. Я знаю... Иеремиил.

— Иеремиил? И он такой миленький. Будем называть его Мил. Тебе нравится, малыш? — обратился к пупсику Сэм.

Но Иеремиил еще не мог говорить. Он только глядел на Мишу и на Сэма. И братья понесли его к остальным.

Глава 4

Теперь и Миша обзавелся собственным воспитанником. В то время как Габри возился с вымахавшим Варахиилом, взъерошивая его волосы и все еще умудряясь таскать на своей спине, по сути, уже подростка, Михаил со всем трепетом учил малыша летать и говорить, лаской дополняя маму.

— Полет!

С высоченного дерева, как гигантский крылан, Гавриил планировал по воздуху, неся на себе крепкого Варха.

— Приземление!

Задача была дотянуть до другой кроны и укрепиться на ветвях.

— Полет!

— Ральф, как ты в них разбираешься? — Уриил горел теперь умеренным пламенем. Он подошел к Рафаилу, вывесившему сегодня на воздух свои коллекции растений; оставшиеся лепестки он раскладывал на траве.

— Это же очень просто. Смотри, тут изумрудная осока, она очень плотная и содержит в себе...

— Мама-а-а-а! — объяснения Ральфа были прерваны сигналом SOS.

Гавриил не попал ногами и руками на ветку, сидящий сверху Варахиил зацепился за сучок, и они оба дерзнули проследовать до самой земли.

— О-о-ой...

Ральф нашел их ободранными, в ссадинах и синяках, и хорошо, что его помощь была близка. Тут подсобили мудреные гербарии.

Вечером Габри выступал как певец, зазелененный и залепленный тельцами лепестков. Варх выглядел не лучше, но не выдвигался на обозрение, предпочитая коротать время у плеч Сэма и Миши.

Михаил занимался малышом. Варху сразу понравилось, что у него будет маленький брат. Так и называл он его: «маленький».

Гавриил завершил выступление под аплодисменты.

— Отлично, Габри! Очень мелодичная песня, — взял слово Михаил. — Но почему мы используем лишь особый язык для передачи своих чувств?

— Особой деятельности — особый язык! Ангельский — язык песен!

И позже назовут его английским, и песни на нем будут слагаться лучше всего, но сегодня Миша указал вселенскому искусству новый вектор развития.

— Почему же? Наш обычный язык тоже может быть песенным. Сэм исполнит тебе свои стихи. И они очень музыкальны, по-моему.

Самуил встал и грудным волнующимся голосом воспроизвел свою придумку.

Они составили еще множество языков, просто переставляя и меняя звуки, особые правила придумали и песни на них тоже пели. Французский, итальянский; восточный язык делился на множество других. Пока у них еще были другие названия, и изготавливали их лишь для творчества и разнообразия.

Было даже, играли они, садясь в круг: один спрашивал на одном языке, а другой отвечал ему на другом наречии. Из-за этого их разговоры претерпели изменения и вскоре стали походить на единый диалект, самый полный и самый звучно-сочный, из тех слов, что наиболее всего передавали смысл существующих вокруг вещей.

— Да! Нет! Я не знаю! Я не могу! — Габри порой раздирали противоречия. Он решал в последней инстанции вопросы всеобщего творчества, хотя никто и не знал почему.

Но и он был побеждаем в итоге вселенской правотой, и все случалось так, как случалось. Габри стоял в рядах лингвистических активистов, будто перед ним на триста шестьдесят градусов распахнулись грани нового.

— Салф, Салф, иди сюда! — с гомоном и смехом Ральф ворвался в гладь новой реальности и рассек водяные просторы белой одеждой.

Рубашка его намокла и потяжелела, волосы прилипли ко лбу, но такого восторга он еще не ощущал никогда. Вскоре Гуд плескался рядом с Салафиилом в озере, а Габри не удерживал эмоций, перебрызгиваясь с братьями.

Озеро, открывшееся глазам Михаила, было еще одним подарком. Вчера, когда они ходили все вместе смотреть закат на краю неба, у него сложилось особое настроение горячей свечи в сводах души его, и теперь он видел, что жизнь распаивает объятия все шире, а он в них устраивается уютно-уютно.

Миша забрался по колено в воду — ему этого хватило, чтобы ощутить новый, ни с чем не сравнимый аромат свежести и субстанции, принципиально отличную от всего остального. Она была текучая, она волновалась и капала, как он видел до этого дождь или росу, а здесь она наполняла собой целую огромную... чашу в земле?

Самуил веселился с остальными, когда выяснилось, что кто-то не зайдет в озеро никогда. Уриил, едва стопа опустилась за край берега, паром оповестил всех о неладном.

— Не надо!

Миша был тут как тут — хорошо, что не ушел далеко. Он выбежал из озера в мокрых брюках, с Милом на руках, и отвел Уриила за плечо на берег.

Разные стихии заговорили впервые о противоположности, и Варх задумался в тот день.

Все поняли, что он много размышлял, потому что к вечеру Варахиил выдал:

— А что, если все сосуществует в природе такое разное, то, значит, дополняет друг друга?

— Он спалит вас всех,

К нему не подходите —

В этом ваш успех,

Скорее отскачите!..

Габри обращался с арфой залихватски, как с балалайкой. Но в сумерках серебряных звезд к нему снова подошел Миша.

— Я тебя предупреждал или нет?

— О чем? — Габри вроде как не понял, но инструмент на всякий случай завел подальше за плечо.

— Если не можешь петь, не задевая остальных, то отдавай арфу, — потребовал старший брат.

— Но это же правда! — попытался оправдаться Габри.

— Не о всем, что на глазах, трубить надо во всех ушах.

Гаврюше пришлось со вздохом повиноваться. У Михаила уже скопилась коллекция отобранных музыкальных инструментов. И все в основном по причине Уриила: до сих пор Габри не мог остаться равнодушным к его приходу в свою жизнь. «Возьмет он деревяшку, а та обуглилась уже. Подует ветер с него в сторону твою, и тебе несдобровать...»

А Михаил охранял ранимые души от заноз. Впрочем, Габри всегда делал себе другие инструменты, и история повторялась заново.

Так рождались приличия, рамки. А Миша и не понимал еще всего до конца, просто исполнял свою функцию поддержания порядка.

По мере того, как росли тела, поляна становилась все меньше, кишели на ней разные животные, и порой было слишком шумно. Укроешься в лесу для себя, а тут бегом игры надвигаются, или вообще понимаешь ты, что лес живет своей жизнью, а ты — своей. А так хочется построить из мыслей собственный домик.

Вскоре движимые последней целью ребята стали устраивать себе личные местечки в райском саду. Где можно было размышлениями спокойно выстилать поверхность и уделять больше повзрослевшего времени своему *призванию*... Хотя, надо сказать, не все из архангелов еще призвание данное осознали.

Михаил создал себе плавную полукруглую нишу, соорудив заграждение из больших валунов песочного цвета, по форме близившихся к овалу. Такими же, только уже маленькими, камушками были огорожены небольшие круглые клумбы, похожие скорее на букеты, собранные из всего, что росло: они торчали длинной травой, большими и мелкими цветочками.

Старший из братьев обзавелся сидением — скамейкой со спинкой и столиком-этажеркой, длиной локтя в три, с вырезанными по дереву перьями, которые впитали яркие краски росписи. Здесь в шести ящиках лежали вещи для личного пользования: картинки, подаренные Габри, свитки и краски, пара птичьих перьев и пачкающихся чернил, которые братья приспособили для записывания стихов и важных мыслей, игрушки Мила, его собственные арфа и любимая гитара.

Набор инструментов, отобранных за шалости у Габри, стоял в неприметном углу под бдительным присмотром. Пока что Гаврюша не пытался взять их назад без спросу.

На будущее Михаил оборудовал неподалеку от своего местечка личное пространство Милу. Пока же маленький брат проводил почти все время у старшего покровителя. Остальные братья обустроились на свой вкус.

Настоящим серьезным торжеством стало вручение архангелу Варахиилу в совместное пользование с Габри в присутствии всех братьев книги «Тайны диалектики» из рук мамы. Никто из мальчишек особо не понимал, что это за тайны и какая такая диалектика, в основном узрели, что можно собрать исписанные странички в ровную прямоугольную стопку и сохранить под твердой обложкой. Вот и получится книга.

Миша сидел у себя и размышлял. Мила взял поиграть на поляну Габри, и потому он был совсем один.

Красивые запястья покоились на коленях. Солнце, гонимое волей Самуила, подходило к горизонту. Ночи давно стали длиннее и серебристее, а думы в их пределах — глубже.

— Миша.

Зов мамы был всегда по имени. По его собственному «я».

У нее на небе, куда он мгновенно прибыл, ослепительно сиял свет, намного ярче, чем в саду днем. И еще отражался от бегущего настила облаков.

— Ты звала, мама? — Михаил выступил вперед, невольно щурясь от вырвавшего его из сумерек великолепия, а глаза его, как и у всех ангелов, горели изнутри таким же ярчайшим светом.

— Я звала, мой хороший, — улыбнулась она. — Иди ко мне поближе.

Мама взяла его за локоть, он сделался уже одного с ней роста.

— У меня для тебя дар.

Михаил не сразу выделил из повсеместного свечения тонкую полоску белого луча с выгравированным его полным именем. Луч удлинялся и, заостряясь треугольником, уходил вниз. Мать держала его за рукоять.

— Но прежде чем ты его примешь из моей руки, любимый, по благословению Отца, выслушай меня, — ее ладонь легла на его висок, ласково даря свое тепло. — Ты уже достаточно взрослый, чтобы знать.

Дабы не стоять на ногах весь разговор, мама усадила первого своего ангела рядом с собой на облако и повела долгую беседу. Луч, мерцая, лежал у нее на пальцах, а другим концом его придерживала ладонь Михаила, словно соединяя и подтверждая его мысли и ее слова.

— Творя вас, Отец вдохнул жизнь в лучистые тела. И мы увидели девять лиц доброты и трогательности, тонкости и веселья, крепкой жизнерадостности и пламенных взрывов... Вы — наши любимые дети. Мне не объяснить тебе пока... а возможно и никогда до конца не разъяснить, что происходило, когда складывались в небе твои внимательные глаза... Просто поверь мне, Миша, это великое счастье и таинство видеть сейчас твой взгляд, который на моей груди создавался. Внимай же. *Совершенство* расщепилось на разумные лица. Обособившись когда-то материнством, оно еще оставалось цельным, так как держало все в себе. Но, испустив лучи, оно выпустило свободных, и отбросились от Луча совершенства тени. Об этих тенях пока задумываться детям не стоит. Но бдеть уже начать — удел твой. Ты старший брат, порядок образуешь и силу Отца держишь. В твоих руках орудие будет Его силы.

— Но что мне с ним делать, мамочка?

— Ты поймешь сам.

Она поцеловала его, погладила плечи и отпустила взор, столь похожий на его.

Михаил возвращался в сад и, сам не зная по какой причине, завернул к Салафиилу.

Солнечноволосый ангел стоял неподвижно, сложив ладошки и прикрыв глаза золотыми ресницами.

— Салф? — Миша позвал брата, эхом отдавая голос на заграждения из кованых роз и белесые с бежевым цветы.

— Да?

Салафиил открыл глаза и улыбнулся, и словно арфы запели в ушах.

— Что ты делал? — недоуменно спросил Михаил.

— Я разговаривал с Отцом... и мамой.

— Но ты же ничего не говорил.

— Я всегда к ним сердцем в себе обращаюсь и мыслию говорю все, что хочу сказать. Особенно, когда один остаюсь.

Не произносил слов Миша перед лицом молитвы. Ему еще было непонятно в повседневности благодати, как это — создать форму общения с Богом.

— А ты чего делал? — мягкие пронизательные голубые глаза спрашивали теперь Михаила.

— Мне мама только что рассказала мое призвание, кажется... Только я тебе не сумею, наверное, ясно передать.

Михаил уже был широк в плечах и узок в костях бедер. На поясе у него появился ремень, с которого свисал чехол, пряча что-то новое в воплощении Луча, скрывая от глаз меч.

Салафиил заметил эту перемену, а замешательство Миши скорее почувствовал. Салф подошел к старшему быстрыми шагами и взял под руку:

— Все хорошо. Это так хорошо. А ты потом все скажешь. Посиди сейчас.

Глядя по плечу, брат, который до этого плеча едва дорос, повел за собой и устроил гостя прямо на траве, ибо лавочек здесь не было.

Шумный Габри появился в ночи вместе с Иеремиилом и бурными рассказами. Пользуясь тем, что фантазия может какое-то время не видеть реальности, Михаил быстро улизнул к себе в уголок, чтобы положить меч в надежное место.

— Миша! Миша-а-а-а!!! — Габри воем-стоном встретил его скорое возвращение.

— Что случилось?! — Михаилу самому пришлось переполошиться от его вида.

— Что с ним?! Я только на секунду отвернулся!

Салф и Гаврюша расступились и открыли лежащего на траве ребенка. Глаза были закрыты, он не двигался, подбив ручку под подбородок.

Михаил подошел и несколько раз потрогал малыша.

— Я... не знаю. Зовите Рафаила!

Гавриил вместе с Рафаилом заодно позвал и всех остальных. Все братья обступили маленького, пока Ральф ползал вокруг него на коленях.

— Что, что такое? — спрашивал Варх.

Нервничали Уриил и Сэм.

— Ничего. Просто... спит. Устал, — сказал наконец Ральф.

Губы Мила были приоткрыты, из них выходило ровное спокойное дыхание, сердце размеренно трепетало в ангельской груди. Он дремал, не обращая ни на кого внимания.

— Как спит? — удивился Габри.

— Как спит? — спросил маленький Иегудиил.

Они переставили ударения на разные слова, получилось забавно, и это заставило Гаврюшу на секунду задуматься о другом.

— Просто спит. Архангелы могут уходить в дремотную медитацию, — кинул медицинским почти термином Рафаил, вставая с колен. — Дайте ему тишину и мягкую подстилку.

— Я отнесу его к себе, — Михаил подошел к маленькому и взял его на руки, по ладоням заструился мягкий красный плед.

— Как спит?! Какая дремота медиативная? Тативная медиота? — Габри разговаривал то ли сам с собой, то ли с Вархом, Гудом и Уром, когда шел от Салафиила. — Так же нельзя, если говорить и играть можно...

Он уселся у себя на большой прошитый валик. В его местечке остался один Варахиил, все остальные пошли к себе.

Валик выскальзывал из-под попы, когда на нем сидели. Варх развалился у ног Габри, поглядывая на сумбурное расположение вещей во владениях своего любимого брата. Повсюду бумажки, инструменты в куче, цветы без всякого вкуса, но в том и был вкус, видимо!..

— Дремота! — повторил Габри еще раз, словно взывая к небесам о справедливом суде.

Солнце светило высокого, когда он открыл глаза и увидел перед собой нос Варахила. Так они и проспали в медитации несколько часов подряд. Валик валялся в стороне. В эту ночь все, потрясенные, испытали на себе таинственное действо.

— Я уснул? — Миша открыл глаза рано.

— Ненадолго. Я, видимо, тоже задремал, даже солнце позже пустил всходить, надо этот процесс как-то упорядочить... Ой, — Самуил, устроившись удобнее, улыбнулся.

Миша сел глубже на лавочке, о спинку которой, спящий, облокачивался локтями и головой. Иеремиил, благожелательный, сидел посреди клумб и возился со своими плюшевыми зверушками.

— Да, порядок, — кивнул Миша.

Он рассказал вчера брату о том, как мама открыла его призвание о порядке и силе Отца, и даже показал меч, а потом убрал его. О подробностях разговора он умалчивал, понимая, что мама не зря раскрыла секрет только ему, а другим еще не пришло время задумываться о тенях.

— Я так рад за тебя, Миша, — Сэм улыбнулся своей неповторимой, такой родной Михаилу улыбкой, и обнял его.

— Спасибо... И еще так много понять надо. Но я готов, — ответил Миша.

Глава 5

Мил вырос в субличного юношу с янтарными глазами и песочными выющимися волосами ниже плеч. И поскольку он вошел в тот возраст, когда более не требовал попечения, Михаил стал свободен, оставив ему распоряжаться собой самостоятельно. И, конечно, приходиться в любое время дня и ночи к себе пригласил.

Сегодня, когда братья собрались на поляне, где главным распорядителем выступал Габри, Миша не присоединился к компании, а вместе с Сэмом удалился на прогулку. Он был спокоен за своего протеже: чинно и подобающе, как и Миша, Габри обращался с Милом, чувствуя, видимо, какая большая разница между крепким, активным и даже хулиганистым Вархом и самым младшим из архангелов. Не было такого, чтобы Габри, играя, напугал Мила, резко схватил или перевернул вверх тормашками, задыхаясь в его смехе.

Миша с Самуилом забрели так далеко, что даже не поняли, как ландшафты сада сменились на неузнанные. Был вариант идти дальше или же... подниматься наверх. Идея обнаружить край — место, где заканчивается сад, — в голову не приходила: они привыкли жить в бесконечности.

Братья держались за руки и не спеша поднимались к облакам, в голубом воздухе, в солнечных лучах. Вот они уже ступали по полям из белого пара. И разговаривали о своем.

Самуил остановился. Тонкие губы не произнесли ни звука. Михаил вгляделся в его лицо и поймал дотоле неведомый оттенок краски, привнесенный на скулы извне. Трепет передался из души в душу, и Миша взглянул, следуя за зрачками Сэма.

Вдалеке, казалось, на самой яркой и широкой из облачных подушек, вырисовывались две фигурки, облаченные в свободные ткани.

Ладонь Самуила зажала большой палец, и он не мог более говорить. Спазм перехватил его горло, и он не дышал, только смотрел на явившееся ему видение.

- Это... — произнес Михаил шепотом.
- Они... — прошептал в ответ Самуил.
- Они ни на кого из нас непохожи... Одежда их реет, как платье у мамы.
- Надо к ним подойти, пока они не исчезли!
- Самуил повернул к Михаилу лицо.
- Надо, — молвил Миша, бездействуя.
- Окликни их! И подойди!
- Я? Но они...
- Надо быстро, пока они не ушли! Давай вместе подойдем!
- Но я... не могу.
- Почему?

На самом деле, Миша и сам себе не мог ответить на вопрос, почему он, бросившийся первым в пламя Уриила, стоит, не имея сил познакомиться с удивительными созданиями. Казалось, они явились на мгновение из другого мира. И сердце Михаила настолько было переполнено изумлением, вопросом и дрожью, что голос не произносил в их адрес слов и не протягивалась ладонь *навстречу*.

— Тихо!.. — Михаил оборвал горячий шепот Самуила, уговаривающий его подойти и привести новые лица в их жизнь.

От затылка до пяток Михаила обдало мурашками: он увидел, что незнакомки их заметили.

— Пойдем, — Михаил взял Самуила за руку и повлек за собой к тому облаку.

Понимая, что они обнаружены и надо как-то действовать, Миша зашагал вперед, ведя с собой брата.

Две фигурки продолжали стоять на месте и смотреть. Сэм искоса глядел и даже не подозревал, какое несчастное у него выражение лица. Когда они достаточно приблизились, он смог понять, что это два ангелочка младше их. Одна — повыше на голову и стройнее, со светлорусыми волосами, заплетенными в косу, в голубом платье до пят с длинными рукавами. Шею ее украшали неизвестные еще тогда бусы из крупных перламутровых шариков, на кончике косы — маленький бантик.

Вторая девочка была пухленькой, волосы ее, распущенные, искрились золотом, а глаза переливались насыщенной синевой под лучами солнца, пышное розовато-кремовое платье открывало только носики ее миленьких сапожек, а в руках она держала большую куклу, так же со вкусом одетую и причесанную. А главное — у каждой из девочек были красивые белые крылья, как у всех братьев-архангелов.

У Самуила зарябило в глазах от обилия цветов и дополнений, и он на секунду опустил ресницы.

— Привет... Мы братья — Миша и Сэм, — сказал Михаил.

Его глаза старались глядеть на них обеих, истинно же они блуждали по лицам, нарядам, по маленьким белым ноготкам.

— А мы ангелы-сестры. Меня зовут Агнэсс, а младшую — Диана, — проговорила та, что была выше и стройнее.

Им на вид было: мальчишкам лет по пятнадцать-шестнадцать, девочкам же не более двенадцати — очаровательная детская пора, пока лишь слегка тронутая взрослением.

Михаил разглядел, что Диана улыбается. Волосы у нее были очень яркие, а носик прогибался и был немного курносый, а у Агнесс наоборот — прямым, как проведенная линия, а в глазах — голубые оттенки сливались с зеленоватыми.

Губы Михаила озарились улыбкой, и разговор повис на ниточке, как вдруг на облако со всей честной компанией ворвался Габри, ветром сдув чудесные волосы ангельских сестер.

— А, вот где остальные! У-у! — он отключил губу, приземляясь рядом с Михаилом. — Это же кто-то новенький появился! Будем все играть вместе!

Агнесс и Диана переглянулись улыбками.

— Я нашел Мишу и Сэма, чтобы найти свежесть и красоту! — заявил Гаврюша и, забыв, о чем хотел сказать, примолк.

— Меня Агнесс зовут, можно просто Агни, — молвила ему старшая сестра.

— А меня Гавриил! Габри, Гаврюша или, как захочешь, тоже называй! — Гавриил с чувством пожал маленькую ладонь. — Ты такая милая. А что у тебя на голове?

— Косичка, — улыбнулась Агни.

— А я Диана, — проговорила младшая.

— Ты любишь фигурки? Я их тоже люблю! С ними играть здорово! — Габри восхищенно прикоснулся к кукольному платью. И, так как на его плечи облокачивался Варахиил, он случайно посмотрел на него и вспомнил, что необходимо всех представить. — Это Варх! Варахиил. Он у нас младшенький, хотя и не самый младший. Нас всего... раз, два, три, четыре, — Габри оглянулся, считая. — Семь. Нет, восемь.

— С тобой девять, — поправил Варх.

— Со мной девять! Без меня семь. Неважно! Мы все братья-архангелы. Это Салф, он из нас самый теплый. Иегудиил — тоже маленьким недавно был, а сейчас вон как вырос, я и оглянуться не успел.

— А это Уриил... — Варахиил привел жавшегося в сторонке огненного ангела, который побаивался всех опалить. Мишу и Самуила оттеснили на задний план.

— А почему от тебя жарко и огонь идет? — спросила Диана.

— Он архангел любви. Не волнуйся, он сильно вспыхивает, только когда волнуется, — пояснил Варх.

Ур протянул руку сестрам, и едва ладони соприкоснулись, взметнулся высоким необжигающим факелом. Стушевавшись совсем, огненный архангел отступил.

— Это Мил, это он у нас самый маленький! — объявил Салафиил, представляя Иеремиила.

— И Рафаил, он самый добрый, он всех лечит листиками! — отрекомендовал молчавший дотоле Иегудиил ждавшего своей очереди брата в белом. — Всех познакомили, — заключил он, довольный, и его лицо улыбнулось так глубоко, как привыкли видеть это брата.

— Тогда играть! — огласил Гаврюша. — Все за мной, в сад!

Он сам взял сестер за плечи и, следя, чтобы они поспевали, повел на поляну.

У Михаила в голове кружилось. Он не успевал осознавать, что происходит. Все играли в мячик и веселились, потом бегали, затем придумывали слова. Он тоже носился и играл, только сердце у него было не на месте, словно сдвинулось. Для него случилось что-то очень важное, а он не мог остановиться, прочувствовать и излить это. Тем паче не мог он разделить чувств Самуила. А Сэм смеялся и, как обычно, выглядел слегка неловким и немного бледным, а что было у него внутри... Птичка чирикала пуховая... так трогательно.

Гаврюша веселил всех от души, так что вечер пришел незаметно. Солнечный диск спустился к горизонту.

— А еще мы можем для Дианы надеть много кукол, и пусть каждый подарит ей куклу! — предложил Габри.

Диана сидела на траве, счастливая, рядом со своей сестрой. Девочек замыкали плечи Салафиила и Рафаила. Все расположились полукругом.

— Добрый вечер. Я вижу, вы успешно подружились, — внезапно на траву ступила невысокая женщина.

— Мама! — Диана первой вскочила и подбежала обнять прибывшую, следом за ней обвила ее руками Агнесс.

— Вам здесь всем вместе хорошо? — спросила мама.

— Да, очень! — закивала Диана.

— Здорово! — всплеснул руками Габри. — Мы так весело играем!

Теперь они все стояли, окружая маму плотным кольцом.

— Хорошо, что играете, Гаврюша. Но я вижу, что девочки устали. Продолжите игры, когда взойдет солнце. А сейчас всем пора немного отдохнуть. Миша, возьми Диану и отведи к себе на лавочку. Сэм, позаботься об Агнесс.

— Я?.. — взглянули зеленые глаза.

— Ей надо отдохнуть, — ответила мама. — Всем доброй ночи.

Мама растворилась в воздухе, оставляя детей одних.

— А я еще картинки разложить хотел, — вздохнул Габри.

— Пойдем, твоих домашних животных проведем, — предложил Варх.

— Ах, да! Мои зверьки! — обрадовался Габри, вспомнив, что с утра наташил к себе их целую кучу.

— Идем? — Михаил взял Диану за руку, вместе они покинули полянку.

Самуил посмотрел им вслед. Рядом с ним стояла Агнесс и молчала. Он попытался улыбнуться, она улыбнулась в ответ.

— Я провожу... У меня местечко есть свое, там ты сможешь посидеть в тишине, — проговорил он.

Самуил пошел вперед, следя, чтобы Агни была рядом и не отставала в серебристых сумерках.

— Проходи, устраивайся, — Михаил разжал пальцы, отпуская руку Дианы.

— Это твой уголок? — спросила Диана, оглядываясь по сторонам.

К груди у нее была по-прежнему прижата кукла, ногти едва коснулись этажерки со всякой всячиной.

— Уголок? Мы называем его «местечко». У каждого архангела свое, — ответил Миша. — Присядь на лавочку.

— Нам с Агни мама свои уголки устроила. Мы там игрушки держали и ходили в гости друг к дружке. Они, по правде, напротив через маленькую полянку: вышла и ты уже у сестры, — улыбнулась Диана.

Она села на скамеечку, все еще изучая новую для нее атмосферу. Михаил расположился рядом.

— Вы долго с мамой воспитывались? — поинтересовался он.

— Я не знаю, — пожала плечиками Диана. — Мы маленькие были, а потом немножко подросли, и нас мама стала отпускать одних по облакам гулять.

— Ясно, — Миша притих, размышляя, отчего солнечное чудо с синими, каких он еще не видел, глазами, так долго скрывалось от него где-то в небе.

Рядом с ней было хорошо и тепло. И даже совсем не так, как с остальными: сердечный ритм уравнился и как будто дышал новым общением.

— Здесь уютно. Только далеко от всех: долго мы шли, — продолжала рассуждать Диана. — И цветочки красивые.

— Они днем распускаются сильнее, красивее будут. Тут всякая всячина лежит, — ответил он на разглядывающий его полки взор.

— Это арфа? Нас мама учила на ней играть. Она твоя?

— Да. И гитара моя, на ней тоже играть можно. Здесь еще всякие альбомы и старые игрушки Мила: он, когда маленький был, у меня жил.

— А теперь так вырос. А это?..

— Арфы. Я забрал их у Габри, — Миша со смехом рассказал Диане о братских препирательствах.

Девушка сначала никак не могла понять, отчего все происходило, но, разобрав про Ура, тоже долго смеялась.

— Она тут посидит пусть, можно? — Диана встала и усадила куклу на гладь этажерки.

— Конечно. Тебе тут все можно, — разрешил Михаил.

— А это что? — глаза Дианы добрались до ножен, которые лежали в глубине одной из полок.

— Кусочек Луча. Меч называется, — Михаил поднялся, взял в руки меч и до половины продемонстрировал ослепительное лезвие.

— Зачем он? Мне не по себе. Убери, пожалуйста, — попросила она.

— Таково мое призвание. Не пугайся, я уберу, — Миша спрятал меч в ножны и, задвинув подальше, взял Диану за руку.

— Что такое призвание? — в ее глазах были вопрос и растерянность цветка.

— Что-то важное, для чего ты был рожден.

— А я для чего рождена?..

— Не могу сказать. Но так хорошо, что ты есть. Диана, — произнес Миша. — хочешь, пойдем посмотрим закат? Мы с братьями часто так делаем.

— А мы с сестрой никогда. Ты меня отведешь?..

И Михаил проводил ее в сокровенное сердце райского сада, где в тени листвы пряталось поваленное дерево, укрытое со всех сторон соснами, а впереди начинался резкий обрыв, уходящий в поля, на фоне которых прекрасно была видна линия горизонта.

Миша усадил Диану рядом с собой на стволе, их руки были сплетены. Солнце уже коснулось далекого рубежа и отбрасывало на небо алые и золотые блики, оставляя все остальное в полутьме.

— Сэм правит солнцем — это его призвание, — продолжал Миша рассказ о рае, который длился половину пути сюда. Диана, ответив на вопросы о себе, теперь умолкла и слушала его. — Укройся, ветерок на кожу спускается, когда вечереет.

Движение воздуха не беспокоило ангелов холодом, но все же некоторым образом затрагивало их настроение. В воздухе заструилась нежная шаль, которая прилегла к плечам Дианы. Она высвободила волосы и запахла ее на груди.

— Красивый вечер, — проговорила она вполголоса.

— Очень. Солнце такое яркое, особенно в эти мгновения....

Они оба молча любовались на уходящие краски, когда Миша почувствовал ее прикосновение. Диана взяла его под руку и щекой прижалась к его плечу. Он обнял ее левой рукой и легонько поцеловал притягательные волны волос.

Агни осмотрелась. Деревья плотной, как не бывает, чтоб росли, стеной окружали приятный интерьер. Стол изгибался плавно, за ним стояло множество стульев, мебель была выкрашена золотистой краской и покрыта незатейливым орнаментом. У входа росло немного травы, а ствол одного из деревьев обвивал нежно-розовый вьюн. Это было очень красиво.

Девушка разглядывала убранство местечка, Самуил словно превратился в тень за ее спиной.

— Ты сядь, ты же утомилась, — он нарушил тишину.

Агнесс забралась за стол, Сэм устроился с краю. Перед ней оказалось множество мелких предметов. Из каменной чернильницы торчало перо золотого цвета, листики валялись друг на друге, для красоты стояла плошка с ягодами, похожими на красную смородину.

— Интересно у тебя, — молвила Агнесс, ее пальцы аккуратно погладили перо. — Я до этого дня никогда не убирала крылья, а тут Габри подсказал. Мне чего-то как будто не хватает.

— А мы... всегда без крыльев играем, так удобнее, — ответил Самуил.

Разговор затух, как искорка Ура, брошенная в озеро. Бередило обоих и не позволяло расслабиться новое общество.

Наконец Агнесс собрала с мыслями и повела речь:

— Нам с Ди раньше не приходилось общаться ни с кем, кроме мамы. А тут вы появились... Вас так много, и вы все такие разные. Я еще совсем не успела тебя узнать. Давай ты расскажешь мне о себе, и я о себе расскажу?..

Ответом стало молчание. Сэм словно боялся звука ее голоса, смысл вопросов сминался и не мог долететь до его разума. Ему вроде и нравилось, что она с ним, и в то же время между двумя душами не возникало связи, и он не знал, как ее выстроить.

— Расскажешь мне? — повторила Агни, ее зрачки встретились с его ярко-зелеными глазами.

— Да, — кивнул Самуил и снова затих.

Поняв, что ее спутник собирается и дальше отмалчиваться, Агни начала монолог, желая заполнить воздух чувством новой дружбы.

— Я помню себя еще совсем маленькой. И Диану рядом. Мне всегда казалось, что мы родились одновременно. Но мама говорит, что я старшая сестра, а она — младшая. У вас, наверное, тоже есть старшие и младшие — так я поняла. Мы всегда играли вместе, мама часто была с нами. Или мы летали на крылышках. Мама рассказала нам, что мы ангелы.

— А мы архангелы... То есть братья. Нам так сказала мама, — Самуил еще более смутился, поймав посланный ему пристальный взгляд.

Он потупил глаза и взял со стола браслетик, сделанный из камушков.

— Ты старший? — Агнесс проследила за тем, как его пальцы волнительно перебирают украшение, словно четки.

— Да... Нет, старший у нас Миша, а я следующий за ним.

— А потом кто?

— Габри, Ральф, Ур... Салф, Гуд, Варх и Мил последний.

— Тяжело запомнить сразу, — улыбнулась Агнесс. — Знаешь, я никогда не думала, что встречу столько других... Ну, то есть архангелов. Мне немного не по себе от этого сегодня.

— И мне тоже, — признался Сэм после паузы.

— Но у тебя очень хорошо. Так спокойно.

Глава 6

Глухие удары зачастили, создавая ритм. Гавриил уселся за барабан и избивал его внушительными палочками.

— Не так! Нужно так, чтоб со мной вместе! — прокричал он брату.

— Ладно! — Ральф остановился и повел другую мелодию, в руках у него была гитара. На поляне занялся день, и маленький оркестр бодрил всех собравшихся. Габри запел:

— The sun is white,

I'm the sky,

My wings will help

To blow your time...³

Песня могла бы получиться, если бы в нее не вмешался голос Варахиила:

— Where have you seen that the sun was white? And who can prove that you're the sky? ⁴

Габри отложил палочки и, сдвинув брови, пробуравил взглядом мольберт, за которым прятался Варх.

³ Солнце светит белым светом, Сам я стал прозрачным небом, И я, крыльями махая, Время жизни выдуваю... (художественный перевод с англ. яз.)

⁴ Где ты видел солнце белым? Докажи, что стал ты небом! (художественный перевод с англ. яз.)

— I'm the real inspiration, my songs are pure imagination! You can't imagine what I said, because your fantasy is bad! ⁵ — не замедлив, отбарабанил Габри.

— My brother's fantasy archangel, that's why the garden is in danger! He will improve the angel's world for making it conforming to his song!⁶ — расхохотался Варх.

— Хватит вам уже, — остановил пререкания Салф, который со своей арфой никак не вписывался в оркестр и потому сам по себе тихо перебирал струны. — Вы не замечаете, что спорите, как стихи сочиняете. Габри прав: это же не реальность, можно петь, как хочешь.

— А кто-то нам сперва не разрешал петь на разговорном языке, — напомнил Варх, водя кисточкой.

— То было давно, — заступился Ур, подобрав под себя ноги.

— Это искусство! — запальчиво воскликнул Гаврюша. — Оно лишь улучшит мир, уж не сожжет его до черноты, точно!

Иегудиил и Иеремиил переглянулись, оставив головоломку, которую вместе решали. Эх, где же был Миша, чтоб сказать свое веское слово? Но с утра его никто не мог найти.

— Габри! Как ты можешь? — Рафаил отложил гитару и подсел к повесившему подбородок Уру.

— Я тут при чем?! — похоже, у Гавриила подобные фразы получались столь же непроизвольно, сколь у рыжеволосого архангела — гореть. — Ладно, песня:

Мир горит огнями. Краски

Загустели, и сейчас

Все мы пламенем объаты,

Потому что в первый раз...

— Two girls came in our world⁷, — продолжил Варх из-за мольберта.

— Thank you, God, I am in love⁸, — закончил Салафиил.

— Это невозможно! — взвился Габри. — Ур, прости меня! — он кинулся к брату, напугав его своим раскаянием.

— Да ладно... — молвил Уриил.

— Мы должны их увидеть! Все здесь, а старших с сестрами нет!.. — вскричал Гавриил.

— Габри, ну хватит метаться, я не могу портрет закончить! — возмутился младшенький.

— Какой еще портрет?! — сдвинув брови, Габри бросился к Варху и развернул мольберт к себе. — Это не я!

— Ты сам только что угадал, что это ты! — заявил Варх. — Отдай!

В приступе душевного волнения Габри попытался вырвать у брата картину, где он изображался взъерошенным ангелом со множеством зверьков на плечах, а вокруг валялись арфы и гитары с барабанами, при этом Гавриил, не обращая ни на кого внимания, что-то усиленно декламировал. Выглядело карикатурно.

— Моя картина! Мама! — не удержавшись, Варахиил свалился вместе с мольбертом и красками. Габри упал на спину, припечатав свое изображение к своему же лицу.

— Все погибло! Chef-d'oeuvre!⁹ — воскликнул Варх. Его подняли Мил и Гуд всего в красках, мольберт безнадежно поломался.

— Что ты сказал?! Начальник произведений?! — Габри оперся на локти Ральфа и Салфа.

— Шедевр, по-нашему! Эх... — вздохнул Варахиил.

⁵ Вдохновение – реальность, песня мир обогащает! Если ты не догадался, то фантазия хромает! (художественный перевод с англ. яз.)

⁶ Мой брат придумкам разным рад, но под угрозой райский сад: исправит Габри весь наш мир, лишь бы он к песне подходил! (художественный перевод с англ. яз.)

⁷ Две девушки пришли в наш мир (перевод с англ. яз.)

⁸ Мы к ним сгораем от любви (художественный перевод с англ. яз.)

⁹ Шедевр (франц. яз.)

Было от чего. Картина, побывав на носу Гавриила, оставила там все свои самые свежие краски, а сама превратилась в намалеванное пятно.

— Вдохновлен благоуханьем чувства,
Лепестками глаз и радостью ресниц,
Звезды ночью серебрились,

Утро наступило пенем птиц... — Габри зашел в местечко Михаила, читая стихотворный экспромт и даже не позаботившись о том, кто его услышит.

— Здесь никого нет по-прежнему, — сказал Рафаил.

— Ты пришла, и сердце оступилось,
И упало в волны нежности твоей,
Ты позволь отметить мне печатью

Каждый день тебя в груди моей! — Гавриил продолжил, как будто не прерывался, входя к Самуилу.

Сэм дернулся. Агни встрепенулась, закрывая рот ладонями. По столу покатались ягоды, которые она обирала с маленьких веточек и выкладывала интересными узорами.

Габри предстал пред ее светлыми очами, сияя глазами, вместе с братьями.

— Что это с тобой, Гаврюша?! — не поняла Агнесс.

— Он на картину упал, — объяснил Варахиил лицо, измазанное краской. — Так хотел вас увидеть, что не умылся.

Сам младшенький не преминул переодеться на ходу и выглядел с иголки.

— Платочек есть? — спросила Агни.

— Держи, — Ральф протянул кристально чистую материю.

— Ты с нами пойдешь играть? — предложил Гавриил, пока его тщательно вытирали, смочив ткань капельками воды.

— Конечно, пойду! — откликнулась Агни.

— А где Диана? — поинтересовался Габри.

— Я ее со вчерашнего вечера не видела, — пожала плечами Агни.

— А Ур с Милом? — Салафиил понял, что два брата тоже исчезли.

— Они сказали, что пойдут Мишу поищут, — ответил Иегудиил, наблюдательный.

— Играть! — обрадовался Габри. — А то я так соскучился, что даже в картину рухнул! И стих сочинил! А песенку мы еще утром спели! Представляешь, я вчера хомяка своего учил бегать по деревяшке... — начал он забрасывать девушку сведениями.

— Кто такой хомяк? — рассмеялась Агни.

— Такой маленький, с щечками! Я тебе его покажу!.. Да, а еще совсем забыл, что...

Теперь было слышно только его. Веселая компания потекла по направлению к поляне.

— Сэм, ты идешь? — спросил Рафаил.

— Я сейчас, — Самуил оставил горочку исписанных листочков, измятых от перебирания. — Иди, не жди меня.

— Как скажешь, — Ральф пожал плечами и, довольный, убежал.

Сэм вышел, когда солнце перевалило за середину неба. На поляне собрались все. Миша сидел с Дианой на траве, прижимая ее к своему плечу. С другой стороны, близко к нему, был Иеремиил, рядом болтал со старшим Уриил. Агни веселилась с Гавриилом, играя во что-то, похожее на шарады. Самуил присел поодаль на траву, чем-то смущенный.

Кто-то хотел сделать все сразу, а кто-то стал думать только об одном.

В зеркале отражалась девичья фигурка с длинными золотыми волосами.

— Так хорошо? — спросила Диана.

Ее ручка остановилась, подбирая в искрящуюся камнями заколочку маленькую прядку.

— Очень красиво. К сережкам подходит.

Зеркальная гладь отразила Михаила. Он был рад наблюдать за тем, как прихорашивается его подруга.

Огромное зеркало стояло сбоку от лавочки в шикарной цветной оправе. На этажерке Миши прочно обосновались кукла и ворох раскроенных для нее платиц, из катушки ниток торчала игла, разноцветный бисер лежал в плоских.

Диана почувствовала его ладони на своей талии. Ее пальцы тронули малюсенькие серьги в ушках, она повернула голову, чтобы видеть заколочку. Действительно, очень подходило.

— Дай гребешок, пожалуйста, — попросила Диана.

Миша протянул ей расческу с редкими зубцами.

— Подержи, — она отдала ему на хранение заколку.

Михаил смотрел за тем, как ложатся волнами ее локоны, которые она вновь решила расчесать. Все эти дни для него были полны ей. У них не иссякали темы для разговоров: вчера вечером Диана показывала ему, что можно делать из бисера, а всю ночь они снова гуляли по бесконечным лесам райского сада.

Он уже изучил ее лицо до мельчайших подробностей. У Дианы были пушистые темные ресницы, немного беспорядочные брови, синие, как венчики васильков, большие глаза, носик так плавно изгибался, что хотелось провести по нему пальцем. На левой щеке снизу и на шее у нее треугольничком располагались три маленькие родинки, а передние зубы немного выдавались над остальными. Он находил ее умильной. И прекрасной.

Сегодня на ней было длинное розоватое платье. Диана была пухленькая, как мягкая игрушка, и неспешная в движениях, как олицетворение самой нежности. Ему казалось, что, находясь рядом, он все время обнимает ее мыслями или прикасается к ней.

— Привет, можно?

В уголок зашли. Самуил остановился на входе, Агнесс выпорхнула от его плеча.

— Агни! — Диана тут же оторвалась от своего зеркала.

— Ди! Я так соскучилась!

— Я тоже!

Сестры обнялись.

— Привет, — Сэм тихо поздоровался с братом.

— Как дела? — посмотрел ему в глаза Михаил.

— Мы вчера пытались вас найти, — сказала Агнесс, останавливая руки на плечах сестры. Она была повыше и в сравнении с Дианой казалась хрупкой травинкой.

— Хорошо, — Самуил отвел взгляд.

— Мы гуляли, — отозвалась Диана. — Мне столько всего тебе надо рассказать!..

— Я хотел пообщаться, Сэм, — ответил Миша.

— Да, мне так хочется с тобой посидеть на какой-нибудь лавочке... или бревне! — рассмеялась Агнесс.

— Сэм, давай отпустим девочек и сами тоже пойдем погуляем?.. — предложил Миша.

— Ты меня будешь тут ждать? — спросила его Диана.

— Когда солнце уйдет за половину неба, возвращайтесь, мы будем здесь, — обещал Михаил.

— Пойдем к озеру! — обрадовалась Диана, она уже была поглощена присутствием сестры.

— Ты кое-что забыла, — Миша подошел, прикрепляя заколку к ее волосам и забирая из рук гребешок. — Пока, Диана. Агни, до встречи.

Самуил проследил, как брат поцеловал в щеку Диану. Агнесс помахала пальчиками на прощание, Сэм улыбнулся в ответ.

- Миша, что мне делать?! — Сэм припал к плечу брата.
- Я думал: у тебя все хорошо, — изумился Михаил.
- Они преодолели много метров пешком, выйдя далеко за пределы привычных садов.
- Да. То есть я чувствую, как все хорошо, но... не знаю, как мне быть.
- Подожди. Ты опять переживаешь из-за Агни? Что случилось с нашего прошлого разговора? — остановил его Миша.
- Ничего. То есть...
- Она выглядит счастливой. А вот за тебя я волнуюсь. Вы же стали разговаривать больше, как я тебе советовал?
- Да. Мы много о чем говорим. И она всегда мне улыбается, — Сэм опустил подбородок.
- Он успел выкроить время, чтобы обсудить с самым близким другом свои чувства, еще несколько дней назад. В самом деле, похоже было, что он научился с ней общаться, хоть и прерывался, и порой отводил глаза. Агнесс же освещала его неизменной бирюзой теплого взора.
- Что же ты еще хочешь? — не понял Миша.
- Ну... Я всегда смотрю на тебя и Диану, — Сэм внезапно замолчал.
- Что ты грустишь? Ты же знаешь, что можешь рассказать мне все, что тебя тревожит.
- У них везде бревна лежат? — спросила Диана, забираясь на поваленное дерево.
- Не знаю, — Агни пожала плечами, легко присаживаясь перед водной панорамой озера.
- У Габри еще пуфик есть. Такой смешной.
- Габри очень веселый, — согласилась Диана.
- Да не Габри смешной, а пуфик. Это такой мягкий бесформенный стул, знаешь? — Диана пожала плечами.
- А ты закат смотрела?
- Я его на небе видела. Сэм сказал, что солнце каждый вечер закатывается. Раньше он все сам делал, а теперь придумал так, чтобы это повторялось автоматически.
- Я не про тот закат. Я про тот, который надо ходить смотреть на холм, — отозвалась Диана. — Меня Миша водил.
- А меня Сэм не водил, — наклонила голову Агнесс.
- Я хочу, чтобы мы так же гуляли и держались за руки, как ты и Ди, когда мы вас встретили в лесу, — произнес Сэм.
- И в чем проблема? Возьми ее ладонь.
- А потом он сказал, что каждый из них выбрал звездочку, и теперь у всех братьев она своя светит на небе, — говорила Диана. — Миша сказал, что я тоже могу себе выбрать.
- Ты выбрала? А у меня нет своей звездочки.
- У меня не получается.
- Почему? — недоумевал Михаил.
- С ним хорошо, — Агнесс положила голову на плечо Дианы. — Он такой милый и добрый.
- У меня руки немеют, когда я смотрю на нее. У нее такие красивые волосы. А пальчики такие маленькие, ты видел?
- Ты нежно с ней. Аккуратно.
- Я нежно. Я стараюсь, но не понимаю, как...

— Мне кажется, Миша такой серьезный, — сказала Агнесс.

— Почему ты так решила?

— Я как-то его взгляд поймала, — ответила Агнесс. — Он как будто на месте останавливается. Он же старший самый и блюдет мир. Видно, как он за всеми наблюдает, и Габри даже об этом говорил.

— Я не заметила, — улыбнулась Диана.

— Просто поговори с ней. Скажи, что тебе хочется с ней играть, когда вы со всеми вместе, но ты теряешься и не всегда можешь к ней подойти, когда она в компании.

— Я так люблю ее, что иногда все слова забываю... А мне так хочется ей в этом признаться. Ты говорил Диане, что любишь ее?

— Ну... вообще-то нет, — на этот раз умолк Михаил.

— Я цветы у него выращиваю новые, а то у него так мало цветов в уголке, — сказала Агни; название «уголок» все больше приживалось вместо прежнего «местечко».

— Я рассказала Мише о том, в какие игры мы играли с тобой, когда были вдвоем, а он мне начал описывать их игры. Некоторые — просто не пойми что! — Диана схватилась за щеки. — Не представляю, что будет, если в них придется играть!..

— Ты привыкнешь. Все будет так, как тебе сейчас хочется, поверь мне, — Миша обнял Самуила.

— Ты думаешь?..

— Я уверен. Мне сейчас надо идти на занятие с мечом. Если хочешь, можешь со мной.

— Нет, я лучше прогуляюсь с братьями.

— Как знаешь. Я вернусь после полудня, буду ждать девочек.

На том и расстались старшие. Миша пошел к себе, чтобы взять меч и провести положенное время в сосредоточении на своем призвании. Он не пропускал ни одного дня упражнений в искусстве, которое не было еще боем, включая в себя лишь движения рук и сердца, как будто танцевальное.

Диана вскрикнула, зажимая ладонями заколотившееся сердце.

— Вперед! — мимо бревна с воплем проскочил Габри, а за ним Варх. Оттолкнувшись от берега, они плашмя бухнулись в воду.

— Мама... — прошептала Диана.

— Не бойтесь, они всегда себя так ведут на озере, — к ней сбоку подсел Иеремиил.

— Как вы нас нашли?.. — вымолвила Ди, беря его за рукав; маленький часто заходил к Михаилу, потому они уже хорошо знали друг друга.

— Нас Сэм позвал, сказал, что вы к озеру собирались, — перед бревном возник Уриил, сегодня он выглядел просто сияющим. — Смотрите, что я научился делать! — огненный архангел присел на корточки и перекинул с ладони на ладонь два огненных шарика.

— Как красиво! А где же он сам? — спросила Агни, перекрывая крики, который подняли брызгающиеся в озере братья.

— Я здесь, — Агнесс услышала голос над своим плечом, Самуил перешагнул бревно и сел у ее плеча. — Я у Ральфа задержался: они с Гудом и Салфом конструктор соорудили из веточек, надо тебе тоже показать.

Сэм ясно улыбался, и Агни порадовалась, что его утренние задумчивость и молчаливость развеялись. Они смотрели друг на друга несколько долгих минут, когда голос Габри коснулся Агнесс:

— Агни, иди ты, раз Ди не хочет!

— Что не хочет? — Агнесс посмотрела на сестру.

— Я не хочу в озеро! — наотрез отказалась Диана.

— А я вообще купаться не могу, — Уриил встал, жонглируя уже тремя шариками, Диана очарованно смотрела за действием.

— Молниеносный нырок! — отпартовал Габри. — Давай, Агни, ты же смелая!

— Тут здорово, не бойся! — поддержал мокрый до макушки Варх.

— Ладно, я сейчас соберусь...

Она хотела сказать: «Соберусь с мыслями», но Гаврюша понял как готовность. Он выскочил из озера и, схватив взвизгнувшую Агнесс на руки, окунул ее в воду.

Домой возвращались все, кроме Ура, мокрые, далеко за полдень. Вечерело. В воду удалось заташить даже тех, кто сначала отказывался. Смеющуюся Диану вернули заждавшемуся Мише лично в руки, и ему осталось только удивиться, сколько радости принес ей сегодняшний день. Сэм же впервые взял на себя миссию выговаривать Габри за резкое обращение с его подругой.

— Все в порядке, — взяла его за локоть Агни. — Пойдем в уголок.

Ее прикосновение умерило страсти, и Самуил, распрощавшись, повел ее к себе.

Глава 7

Как мало надо для счастья, а Самуил хотел обрести все свое счастье полностью. Но дни шли, а ему все не удавалось сделать шаг ему навстречу.

Агнесс, видимо, привыкла к нему такому — задумчивому, довольно робкому, который порой мог просидеть рядом с ней молча чуть ли не полдня. Она воспринимала окружающий мир таким, какой он был.

— Привет. Я не отвлекла?

Варахиил затеял генеральную уборку своего уголка, но сам не заметил, как засел за чтение книги «Тайны диалектики», которую вынул из-под своей лавки. Странно, но с тех пор, как ее ему подарили, он ее даже не открывал.

Младший поднял голову от страниц и увидел, что к нему вошла «серебристая рыбка Сэма», как он назвал ее один раз, находясь с Габри. Это была Агни.

— Привет! Нет, конечно, — Варх поднялся из травы, расплетая ноги.

Он всегда предпочитал сидеть прямо на земле, а не на лавке, которая у него была скорее для гостей. Его рука отложила книгу.

— Я очень рад, что ты пришла, — младшенький архангел улыбнулся, и Агнесс подарила ему улыбку в ответ.

Он был жизнерадостным, с наливным цветом лица, темными длинными волосами и излучающими оптимизм серо-зелеными глазами. А когда Варх улыбался, ямочка появлялась лишь на одной его щеке. Все эти черты Агни хотела запечатлеть у себя в уме.

— Я сказала Сэму, что погуляю, — проговорила она. — И пошла в гости ко всем архангелам, с которыми еще не успела достаточно пообщаться. Вот я и у тебя.

— Я люблю общаться! Проходи, вот скамеечка, садись. У меня беспорядок, правда, хотя я сегодня убирался. Видишь: ничего, кроме травы, у меня в уголке нет. Я обычно у Габри сижу или еще у кого-нибудь. Удивительно, что ты меня здесь застала.

— Вы же с Габри — лучшие друзья, — сказала Агни. — Сэм мне говорил, что он тебя воспитывал.

— Да, я еще себя не помнил, когда он меня уже знал, — подтвердил Варахиил, усаживаясь перед Агнесс по-турецки.

— Ты таким дружелюбным и общительным мне сразу показался, — молвила Агнесс, с высоты лавочки глядя в его лицо.

— Мне нравится с кем-нибудь проводить время, поэтому я и хожу в гости постоянно. И когда вы с Дианой появились, мне сразу захотелось с вами побыть подольше. Мама, конечно,

знала, что вам будет удобнее у Сэма и Миши расположиться, но я всегда тоже хотел, чтобы кто-нибудь из вас у меня посидел.

— Правда? А мне так нравится с тобой тут быть.

— Правда-правда?.. — просветлел Варх. — Знаешь, у меня же только братья есть. А я с тобой познакомился и захотел сестренку. А ты ведь... ты ведь сможешь быть моей сестренкой?..

— Наверное... хоть я и не сестра твоя, — Агнесс задумалась. — Но если мы оба представим, что это так, то я могу быть твоей сестренкой.

— Здорово! — Варахиил подскочил на месте и пересел на корточки поближе к ней. — Только ты будь старшей сестренкой, ладно?

— Почему старшей?

— Не знаю! У меня столько старших братьев, я хочу еще старшую сестру! А если Диана согласится, то она будет моей младшей!

— Хорошо, как скажешь, — губы Агни легко улыбнулись, ее ладонь потянулась и скользнула по жестким на ощупь волосам Варха.

— Так приятно... когда гладят, — молвил Варахиил. — Я когда был маленький, меня все по голове трепали. А сейчас так редко.

— И мне тебя приятно гладить, — ответила Агнесс, ее рука снова легла ему на голову.

— Правда?..

— Правда-правда.

— Тогда гладь! — Варахиил подсел еще ближе, и Агнесс принялась ворошить его прическу.

Не прошло и десяти минут, как Варахиил положил голову на ее колени, всем телом облокачиваясь на лавочку, а Агни ласкала своего новоиспеченного братика.

— О!.. Как ты сюда попала? — в уголок зашел Габри. — Карапуз, ты спишь? Ты совсем не сказал Агнесс о сегодняшнем празднике?!

— Не совсем. Чуть-чуть сказал, — отозвался Варх-карапуз, не поднимая век.

— Мне Сэм сообщил. Что, уже пора идти? — спросила Агни.

— А чем вы тут занимаетесь вообще? — Габри скептически сдвинул брови и подошел к лавочке.

— Мы ищем проводники сознания. А ты что подумал?

Агнесс ненадолго покинула братьев, чтобы потом вернуться на праздничную поляну в сопровождении Самуила.

— Ты так долго, — говорил Сэм, шагая чуть позади нее. — Я заждался...

— Я же сказала, что хочу всех навестить. Завтра я все время буду с тобой, — она говорила мягко и певуче и улыбалась ему.

Лишенным ревности, зависти и чувства собственности, ангелам легко было изливать свою любовь на всех, и не было в том ничего необычного. Тонкие материи тел прикасались друг другу, познавая деликатно и непорочно. По правде говоря, они и не нуждались в более тесных прикосновениях, ибо по природе впитывали все обостренно и ярко.

В ушах Агнесс играли большие прозрачные камни голубого цвета, талия были обтянута широким золотистым поясом, длинное платье расширилось книзу.

Солнце светило косыми лучами от крон деревьев. Разодетые мальчишки толпились на траве, распуская птиц, которые, почуввав оживление, сегодня ходили здесь в большом количестве. После прихода Сэма и Агни все были в сборе.

Диана в роскошном алом туалете, держа под руку Михаила, беседовала с Милом и Уром. Габри было видно то там, то тут, будто он что-то организовывал (воздух?!) одним своим при-

сутствием. Свободная белая рубашка с рисунком сделала его похожим на один из шариков, которые торчали на ниточках прямо из травы и тут и там.

— Давайте начинать! — возгласил наконец хозяин всех в саду балов.

То была потрясшая для того времени находка — устроить музыку прямо из воздуха, без всяких музыкальных инструментов и музыкантов, а атмосфера все более наполнялась сочным ароматом сладких, как свежие ягоды, праздничных разговоров, обнимающих ангелов.

Шарады приобрели торжественный вид, все гости были осыпаны цветными ленточками и пылью, а изображать разрешалось только очень особенные вещи. Много смеялись, загадывали желания, чтобы их выполнил кто-то, на кого падал свет витающей в воздухе звездочки — имитации тех, что светили на небе!..

Потом начались танцы. Сначала коллективные. Хороводные. Потом — кто во что горазд. Гаврюша на пару с Вархом продемонстрировали, как умеют держать ритм два задорных парня.

— Ты мне тоже говорил, что можно танцевать вдвоем, — светящаяся Диана потянула за руку Михаила.

— Что ты... это же искусство, девушку надо вести в танце, как... — поднял брови Михаил.

— Вот как! — Габри отстранил от золотоволосой красавицы партнера и повел ее сам, как по ветру ведут парус.

— Красиво! Дух захватывает! — восхитилась Агни. — Сэм, пойдем и мы танцевать!

Ее рука нашла его ладонь. Плавающие рассветом зрачки встретились с его зелеными глазами. Агни специально подошла к нему, потому что он весь вечер сдержанно улыбался и, задумываясь, смотрел вверх голов.

— Нет, я не смогу красиво, — отозвался он тихо.

В ее груди стало слишком тепло, а в его взгляде что-то мелькнуло озарением, так что Агни не сдвинулась мгновение с места.

— Сестренка, пойдем, мы весело с тобой спляшем! — разгоряченный Варахиил нежно взял ее за руки, и, ладонями соприкасаясь, они гармонично задвигались.

Михаил улыбнулся, качая головой. Подошел, плечом коснувшись Сэма. Но Сэм не ответил глазам, он смотрел на свою единственную.

— Какой хороший вечер! — Агни кружила подол платья в уголке. — Необыкновенный!.. Как ты у меня.

— Да, ты права, — проговорил Самуил тихо, садясь на один из стульев.

— Тебе что-то не понравилось? — Агнесс подошла, глядя, как его удлиненные благородные пальцы смяли между собой перо.

— Что могло? Все прекрасно было. Ты танцевала так...

— Ты весь вечер будто думал о чем-то, мне показалось, что даже грустил. Я все хотела, чтоб ты развеселился в играх. Я тебе улыбалась и звала все время, помнишь?..

— Я знаю. Просто... — поспешно поднял голову Сэм, Агнесс устроилась вплотную к нему.

— Мне так танцевать с тобой хотелось. У тебя мило получается. Праздник ведь для всех создан и музыка.

Ее лицо оказалось совсем близко, ниже его подбородка. Она, как делала обычно, прямо смотрела на него, с безмятежностью на губах и в глазах. И тут произошло.

Голос пошел из глубин. И он не мог сдержать хлынувший к щекам огонь.

— Ведь я люблю тебя, Агни. Люблю всем сердцем и всем собой. Так, что сказать не могу. Взглянуть робею, когда ты на меня смотришь своими чудесными глазами.

Это мгновение вместило для них все.

— Сэм... — молвила Агнесс. — Сэм... И я тоже тебя люблю. Ты... мой дорогой.

— Я так хочу взять твою руку... и не решаюсь обнять тебя.

— Тогда возьми, обними.

Их ладони встретились, как у ослепленных внезапной вспышкой. Он крепко зажал ее пальцы в своих и в молчании держал ее руку.

Агнесс подалась к нему, и Сэм, едва трогая, обнял ее стан, а она обняла его, чтобы уже никогда не потерять полную чашу своего счастья.

— Тебе понравился праздник? — весело спросил Михаил, когда они с Дианой вернулись к себе.

— Да, очень! — взбудоражено отозвалась Ди. — Так красочно! Все слилось в движении!

— Ты, словно сотня цветов, была прекрасна, когда танцевала, — сказал Миша.

— Спасибо, — Диана присела на край лавочки и взяла в руки свою куклу. — А Габри еще такие устраивать будет?

— Конечно, будет. Если уж ему нечто подобное пришло в голову, то будет делать, — Миша опустил на корточки перед девушкой и накрыл ладонью держащие игрушку руки. — Я люблю тебя, Диаша. Милое мое сердечко... Нежность моя, крылатый ангел.

Диана взглянула на него, и глаза ее показались еще больше и синее, какими лишь иногда бывают небеса.

— И я люблю тебя. А ты... сядь рядом, а то я тебя обнять так не могу.

Михаил пересел к ней, и Диана крепко и ласково вжалась в него, как ребенок, но уже не ребенок, а некое чудо, что заставляло сердце архангела замирать и переосмысливать весь мир вокруг себя.

Глава 8

Признания, вылетевшие в ту ночь, кардинально изменили жизнь Сэма и Агни и почти не повлияли на Диану и Мишу.

Отныне Самуил сиял ярче солнца, его зрачки искрились, а улыбка не сходила с губ. Постоянно их видели под руку с Агнесс, то прогуливающих в лесу, то сидящих у озера, то беседующих в своем уголке. Сэм хотел почти все время проводить с ней, и Агни крайне редко отлучалась, чтобы пообщаться с сестрой или Вархом в то время, когда Сэм тоже навещал братьев.

Диана сидела на лавочке Михаила, насыщенная знаками внимания, что оказывал он ей с первого дня их знакомства. Если бы он не сказал прямо о своих чувствах, она бы еще долго не спросила. Но если бы ей не хватило взгляда для выражения ее любви, она бы рассказала ему обо всем сама.

Самуил появился неожиданно, столкнувшись с Мишей на выходе.

— Мне нужно поговорить с тобой, — сказал Сэм.

— Я иду на тренировку, — в руке Михаила был зачехленный меч, до колен его ноги охватывали узкие сапоги. — Агни нет с тобой? Диаша скучает.

— Нет. Она на поляне с ребятами, — Самуил отодвинулся, тем самым приглашая брата занять укромное место за деревьями.

— Что-то случилось? — проницательно взглянул Миша.

— Да, — зеленые глаза окутали брата. — Агни подарила мне вот это.

Аккуратно, как секрет и сокровище, Сэм вытащил из-за пазухи маленький цветочек. Такие Миша видел у них в уголке на клумбе. Видимо, клумба принадлежала Агни.

— Цветок?

— Она подарила мне его. И сказала, что я замечательный друг. Что она даже мечтать не могла о таком, когда в детстве еще не знала большого мира.

Краска заливала щеки Сэма, он задыхался смущением и глотал звуки.

— Так и сказала? — переспросил Миша.

— Так и произнесла, — Сэм проследил, как подушечкой пальца Миша коснулся нежного венчика. Таких подарков, которые ни для чего и в которых все, еще никто никогда им не дарил.

Им... Для них Вселенная существовала для всех вместе.

Миша сдвигал брови, передвигая по воздуху мечом. Ему никто не объяснял, что делать с его призванием. Он просто в один день встал на этой поляне, отдаленной от других, и вытащил часть Луча из чехла.

Он проносил его над землей. Он глядел на чистейшую силу Отца. И зная, и не зная, он потихонечку превратил часы с оружием в каждодневную медитацию, взмахи лезвием — в искусство. В некий ритуал, которым он как бы указывал, что здесь он, и он верен, и что отброшенных теней не будет там, где постоянно рдеет сияние.

Постепенно все это складывалось в упражнения и фигуры, и Михаил интуитивно узнавал, каким образом красивее и правильнее орудовать мечом, как он управлялся и с вверенным ему старшинством для поддержания порядка.

И порядок наступал у него в голове. Уходили все думы, оставляя чистоту и свет.

Сегодня все утро он смотрел на Диашу и вспоминал о цветке, который показывал ему Сэм. И почему этот эпизод так закрался в душу? А Диану он так и не решился спросить о том, что же означает подарок ее сестры его брату.

— Может быть, пойдешь со мной? — предложил Михаил, уже готовый, в удобной одежде и сапогах стоящий перед лавочкой.

— Нет, нет... — замотала головой красавица с мягкими волосами. — Извини, Миша. Ты же знаешь: мне совсем скучно делается, когда ты упражняешься.

Это была правда. Диана вообще побаивалась чистейшего света Луча, как трепещет хрупчайшее создание перед взглядом Божьим. Один раз Михаил уже приглашал ее к себе на тренировку, но Ди так и не смогла уяснить его движения и воспринять процесс. Миша решил не мучить ее и отпустил обратно в уголок.

— Я лучше к Агни схожу, — сказала Диана, поднимаясь с лавочки и одергивая подол.

В то время она сделалась среднего роста и нежных изгибов полненькой девушкой, лицо которой выражало неизменные мягкость и доверие.

— Хорошо, иди. Пока, капелька моя.

Обняв подругу, Миша со свободным сердцем отправился по своим делам.

Тем временем, в уголке Сэма Агнесс поднялась со стула, оставляя недоплетенной салфетку из белых нитей:

— Я так соскучилась по Диане. Я схожу к ней ненадолго?

— Ладно. Я буду ждать тебя здесь.

Щека Агнесс коснулась на прощание щеки Самуила, и она покинула уголок.

Беспорядочный бабочки полет,

Стрекозы стремленье верное.

Пальчиками из травинок

Кто-то заплетет

Лучиков хождение...

Вырос, и в твоих руках

Слово скрепится преданием.

Детский поцелуй тебя привлеч,

На ладони затаив внимание...

Михаил к тому времени еще вырос и возмужал, брови его приобрели более четкие линии, переносица расширилась, спокойное благородство легло на каждую черту лица. Его фигура была пряма, как одиночное дерево, растущее посреди солнечной поляны. А движения точны и плавны, выражающие совершенное творение. Темные глаза отражали невещественно белые блики лезвия, он был погружен в себя и во внутреннюю работу.

— Ты прекрасен.

Голос внешнего мира заставил его не только вернуться из медитации, но и остановил на новизне события. На краю поляны стояла Агнесс в длинном платье.

— Прости меня, что помешала, — она приблизилась к нему, глядя в лицо. — Ты делаешь это так красиво, что поразил меня. Можно я тоже попробую?

Секундная пауза ушла на то, чтобы глаза Михаила приняли ее в свою компанию.

— Конечно, — он протянул ей меч рукоятью.

— Как он называется? — спросила она. Агнесс поняла, что если поднимет лезвие, то заденет Михаила. — Как его держать?

— Это меч. Держи по диагонали от себя, чуть повыше, — Миша тут же сообразил передвинуться так, чтобы быть сбоку от нее и помочь ей правильно ухватить оружие. — Пальцы сожми. Да.

— Здорово. Гладкий чистый свет, — молвила Агни.

Она провела мечом по воздуху несколько раз, заморожено следя глазами за лезвием. Михаил молча наблюдал за ее первыми попытками.

— Ты немножко неправильно делаешь, — проговорил он. — Позволь. Тебе надо выпрямить плечи и руку не напрягать так.

Михаил коснулся ее, корректируя движения.

— Спасибо, — она взглянула на него улыбкой.

— Не за что. Теперь можешь творить любые узоры.

— Привет. А Агни здесь?

Самуил, который сидел, скрючившись, и окучивал какие-то цветочки, повернулся лицом к входу. Диану он увидеть никак не ожидал и потому несколько растерялся. Но она осталась прежней добродушной фигуркой.

— Я соскучилась по сестре.

— Агни? — переспросил Сэм. — Она пошла к тебе, в уголок Миши. Я думал, что вы вместе.

— В уголок пошла? — большие синие глаза раскрылись на позолоту мебели. — Нет, я ее не встретила. Миша ушел на тренировку, и я решила ее навестить здесь. Наверное, она уже пришла в уголок и никого там не нашла.

— Думаю, она сейчас вернется, — ответил Самуил, выслушав безыскусные рассуждения.

— Да, — согласилась Диана. — Можно я подожду ее у тебя?..

— Да-да, конечно. Садись... Садись за стол. Я тебе рукоделия могу дать, которые Агни плетет.

Самуил устроил гостью поудобнее, чтобы проявить должное гостеприимство.

Минуты шли быстро.

— А ты, правда, сам придумал такой красивый закат? — взглянула Диана: они не заметили, как вопросы зацепились за ответы, и между ними потекла беседа.

— Не совсем все сам, конечно. Мне братья советовали кое-что, — отозвался Сэм.

На его щеках лежал румянец смущения и радости. С первых секунд общение с Дианой отзывалось в нем приятной волной, и она, похоже, тоже была расположена к нему.

— Агни все нет, — наконец произнесла Диана. — Наверное, она меня разыскивает. Или ждет в уголке.

Это было еще то время, когда ангелы не распознали свою способность звать друг друга одной мыслью и не посылали пока сообщений с птичками и бабочками.

— А ты хочешь с ней поговорить, — поддержал Сэм чувства собеседницы. — Давай мы с тобой пойдем обратно к Мише и там, наверняка, ее найдем.

— Аккуратно! — воскликнул Михаил. — Не надо так высоко: ты аж подпрыгнула!

— Я замечталась! Грудь как будто расширилась на вдохе! — звонко отозвалась Агнесс.

— Лучше шире размах возьми! Чуть пониже рукоять...

Агнесс сотворила изгиб кистью, и резко мелькнуло лезвие с уровня головы до плеча. У нее уже немного получалось, но еще как у ребенка, начинающего что-то новое.

Огромное пространство вдруг свернулось в клубок, перепугавшись крика.

— Агни! Облака!

Агнесс вздрогнула. К ней бежал Самуил, на краю поляны стояла Диана. Агни не успела разглядеть ее пораженное лицо.

— Что ты делаешь?! Боже, Отец! Миша, как ты мог так с ней поступить?! — рука Самуила легла на запястье Агнесс, стараясь отвести меч подальше от нее, его щеки горели алым цветом.

— Она сама меня попросила, — проговорил Михаил.

— И что?! Это же чистейший Луч! Ей нельзя с ним экспериментировать! — вскричал Сэм.

— Почему же нельзя?.. Разве о чем-то таком мне мама говорила? — видя, что волнение брата доходит до конвульсивного, Михаил поспешил забрать у Агнесс оружие.

— Это не для девушки! Меч — твое призвание, ты им и занимайся! Агни, пойдем с этой поляны подальше!..

— Сэм, все в порядке. Я просто немного подержала его в руках. Миша следил за тем, чтобы я не поранилась, — попыталась успокоить его Агни.

— Пойдем, — Сэм взял ее за плечи с единственной целью — вырвать из действительной или мнимой опасности.

— Сэм, все правда нормально. Извини, что не предупредили тебя. Агни неожиданно пришла и захотела поучаствовать, — сказал Михаил.

К спорящим подошла Диана, но в разговор не вмешалась, лишь губы ее хранили недоумение и легкий испуг.

— И мне так понравилось! Я хотела бы продолжить тренировки, если Миша... — начала Агни.

— Я против! Тебе это не нужно! — решительно отверг идею Самуил.

— Я не пойду против тебя. Но сам я бы не отказал Агни в ее просьбе о совместных занятиях, — ответил Михаил.

— Нет, это исключено, — вымолвил Самуил.

— Послушайте, — Агни выпуталась из сдавливающих ее плечи рук Самуила. — Я попробовала заниматься с мечом, и мне понравилось. Миша согласен меня учить, Сэм категорически против. Если есть два мнения, то пусть, быть может, мне ответят Отец и мама?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.